

18+

РИЯ ПЛАГА

Аликогда

НЕ СОЖАЛЕЙ

Рия Плага

Никогда не сожалей

«Издательские решения»

Плага Р.

Никогда не сожалею / Р. Плага — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505403-6

Вы когда-нибудь задумывались, что было бы, не соверши вы шаг в пропасть? Как сложилась бы жизнь, если..? Что, если ты выбрала неправильный путь? Могла бы ты быть счастливее, поступи иначе? Алиса Грин совершила поступок, о котором, возможно, пожалела. Но не станет ли взгляд на ошибки, совершенные в прошлом, еще большим разочарованием? Фабиан Бойл контролирует все в своей жизни. Только она та, что не подчинилась, заставила пожалеть о содеянном и почувствовать вкус жизни.

ISBN 978-5-00-505403-6

© Плага Р.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Никогда не сожалею

Рия Плага

© Рия Плага, 2020

ISBN 978-5-0050-5403-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Той, чьим продолжением я хочу быть

Предисловие

Около пяти лет назад

Яркий свет проникает через шторы прямо в комнату, отчего я морщусь и издаю нечленораздельные звуки, в надежде что они заставят этот чертов свет исчезнуть. Голова дьявольски раскалывается, и даже боюсь представить, что будет, если я хотя бы попытаюсь открыть глаза. Я слышу прямо над ухом чей-то голос, он заставляет меня сильнее зажмуриться и надеяться, что это лишь очередной кошмар и скоро все исчезнет. Черт, как же все-таки болит голова.

– Фабиан, что ты опять наделал? – голос оказывается слишком близко, и я чувствую, как подо мной прогибается кровать. Медленно, стараясь не причинять себе боли, я открываю правый глаз, косясь на мужчину, который нарушил и без того отвратительное утро своим неожиданным приходом.

– Тэг, умоляю, исчезни, – я закрываю глаз, отчего в голове начинает пульсировать еще сильнее, и это приносит мне физическую боль. Сколько я вчера выпил?

– Я бы с радостью оставил тебя навсегда в этом дерьме, но обещал твоему отцу, что буду приглядывать за тобой. То, что ты сделал, просто отвратительно, – голос моего адвоката звучит слишком угрожающе, так что я все же заставляю себя открыть оба глаза и даже предпринимаю попытку подняться на руках в кровати, но чувствую, что меня начинает тошнить, и со всей силы падаю обратно на постель.

– О чем ты, черт возьми, вообще говоришь? – я слышу свой жалкий голос, и самому становится противно, что я снова опустился до этого. Но разве не мой обожаемый отец в этом виноват? Разве не он воспитал меня таким отвратительным человеком: падким на алкоголь и женщин, не знающим границ в своей жалкой жизни? Черт, как же я его ненавижу, он даже из могилы может меня достать.

– Я говорю об этом, Фабиан, – я слышу, как Тэг достает что-то из своего портфеля, и чувствую, как в лицо летят какие-то бумаги, отчего я заставляю себя вновь открыть глаза и даже переворачиваюсь на кровати, смотря на красное от ярости лицо своего адвоката, протягивающего мне какие-то бумажки. Снова.

– Ты женился, Фабиан. Черт, ты неисправим, – Тэг падает на кресло напротив моей кровати и выглядит уже не таким разочарованным, скорее он полностью обессилен моей тупостью. Удивляюсь, как он вообще все еще меня терпит.

В моей голове просыпаются воспоминания о том, что я сделал несколько дней назад. Черт, я и правда женился. И не просто женился, я сделал малышку Шайлин той, кем она так мечтала стать последние полгода – моей подстилкой на одну ночь. Мне почти жалко эту девочку, она так влюбилась в меня, что даже не заметила того, как я использовал её. И не только тело принадлежало мне, но и на её маленьком пальчике красуется обручальное кольцо за двадцатку. Теперь-то её папаша не сможет приблизиться к единственной женщине в этом мире, которую я люблю. Пусть наконец уберется из нашей жизни, такой слизняк не должен быть с ней, особенно сейчас; впрочем, я надеюсь, что поняв, что ему не светит ни цент он её наследства, его сдует ветром вместе с дочерью, которая получит развод, а если будет сговорчивой, то я даже позволю ей взять машину – она мне все равно надоела.

– Не волнуйся, Тэг, я улечу сегодня и через пару недель оформим развод, – кажется, головная боль отступала, и я наконец смог сесть на кровати, прикрываясь покрывалом, чтобы Тэгу было не так обидно, что природа его не наградила ничем особенным, кроме мозгов и умения работать на правильных людей – сильных мира сего.

– Ей только исполнилось 18, ты вообще понимаешь, что делаешь?

– Да ничего криминального не произошло, она точно была не против, кричала она точно не от отвращения, – я зло усмехнулся и провел пальцами по волосам.

– Если бы я не работал на тебя, то сказал бы, что ты отвратительный человек. Тебе правда следует уехать, пока я не разберусь с тем, что ты натворил. Твоя мать никогда этого не простит, – он встал с кресла и подошел ко мне, смотря сверху вниз, будто думая, что это делает его хотя бы на это время важнее меня. Он правда считает, что имеет право раздавать советы?

– Она скажет спасибо, что я избавил её от этого мудака. Твоя работа не давать советы, а помогать мне. Вот и разберись с тем, чтобы к моему возвращению я снова был свободен. Отдай ей машину и можешь накинуть пару тысяч сверху за то, что оказалась девственницей, – я снова усмехнулся и поднес к губам горлышко бутылки виски, что стояла на прикроватной тумбочке.

Тэг неодобрительно посмотрел на меня и, не сказав ни слова, подошел к двери, он обернулся, и я видел, как на его лице отображается вся ненависть ко мне и таким, как я. Он даже не представляет, как сильно я сам себя ненавижу.

– Позаботься о себе, сомневаюсь, что в этом мире найдется хоть кто-то, кто сделает это, боюсь, что ты больше никому не нужен, – он стоял в двери и надеялся, наверное, что его слова долетят до меня и ранят, но дьявол, он не представляет, что меня это нисколько не беспокоит. Я знаю, какой я, и точно не нуждаюсь в том, чтобы кто-то за меня переживал. Я не заслуживаю ничего хорошего.

– И машину мне вызови, улетаю в Париж, – бросил я, поднимаясь с кровати, чтобы одеться перед вылетом, в то время как Тэг закрывал за собой дверь.

Они не знают меня и не представляют, что я за человек, каждый видит лишь только то, что хочет. Впрочем, я не виню их в этом, я ни перед кем и не собирался открываться. Ни один человек в мире не заслуживает того, чтобы ему доверять, никто и никогда не сможет проникнуть за эту броню, которой я себя окружил. Да, я делаю ужасные вещи, но я лишь доказываю им, что они не ошиблись в своем мнении о том, какой я человек. Им проще меня ненавидеть, и я не разочарую их в этом.

Стоя под каплями душа, я вспоминал то, как смотрела на меня малышка Шайлин, когда говорила, что любит, что клянется быть мне женой. По телу пробежала дрожь, но я не хочу думать о том, что она могла быть искренней и я лишь разрушил её. Нет, она сама этого хотела, и я лишь дал ей это. Нельзя винить меня в том, что я забрал девственность девчонки, которая с нашего знакомства только и хотела что прыгнуть ко мне в постель, и её нисколько не смущало знание того, сколько у меня было и есть женщин помимо неё. Нет, она сама просила меня взять её, и с её губ сорвался стон наслаждения, когда я вошел в нее.

– Сэр, дорога может занять немного больше времени, вчера был сильный снегопад, еще не все дороги расчищены, – голос моего водителя заставил отвлечься от телефона, замершего в руках, и я кивнул. Чертова погода. Я застрял в этом ужасном городе, когда должен быть в Париже и проводить время с женщиной, что все это время преданно меня ждала и, надеюсь, готова к новому началу того, что так ужасно оборвалось. Черт, прошла целая вечность с того момента, как мы встретились, кажется, я тогда только молоко стер с губ. Ирен заставила меня научиться чувствовать и быть вот таким, как я есть. Бесчестным, властным, доминирующим. Она точно знает что хочет, и именно это я всегда в ней любил. Правда, в последнее время не уверен, что испытываю такие же чувства, это скорее как давно забытый вкус, сладкий и терпкий; он уже в прошлом, но иногда им можно насладиться, чтобы освежить воспоминания. Париж всегда будет ассоциироваться именно с ней и теми юношескими чувствами. Я поднес сигарету к губам и сделал глубокую затяжку. Черт, и как продержаться в самолете несколько часов без никотина? Ненавижу дурацкие правила Эм, надеюсь, она скоро покинет свой пост, чтобы я наконец смог руководить компанией, как того хочется только мне одному.

Телефон завибрировал в руке, и на экране высветилось имя «Шарлотта». Только её сегодня не хватало. Я нажал кнопку «игнорировать звонок» и откинулся на спинку кресла. Всем этим девицам нужен кусочек Фабиана Бойла. Ирен мечтает о том, чтобы наконец выйти

замуж за того, с кем не стыдно выйти в свет, Шайлин мечтала о «жили долго и счастливо», но мне пришлось её разочаровать, а милая Шарлотта действительно считает, что брак, о котором договорились 25 лет назад, свершится во благо великой цели. Черт, как я от них устал.

Машина резко затормозила у аэропорта, водитель вышел, чтобы достать мои вещи.

– Спасибо, Джаспер, – я кивнул своему водителю, который усаживался на привычное место в машине. Он отъехал, и я вновь закурил. Погода была отвратительная, серые тучи сгустились, и по телу прошел озноб – будто предчувствие чего-то, но я лишь поморщился и выбросил окурочок. Поскорее бы оказаться подальше отсюда.

– Простите, я сейчас не понял, вы отказываете мне в вылете? – я старался не повышать голоса, но явно выходило не очень.

– Мистер Бойл, был выпущен запрет на вылет. Ожидается ухудшение погоды, – этот парень, наверное, работает первый день в аэропорту, его так трясет, что, кажется, еще слово, и он упадет в обморок.

– Я хочу вылететь сейчас, пока погода не ухудшилась, вы должны разрешить взлет, – черт, я, видимо, напугал пацана еще больше, я заметил, как капелька пота спустилась по его лбу.

– Мистер Бойл, – начал было он, но телефон в его руках завибрировал, и я увидел, как он торжествующе улыбнулся тому, что увидел на экране, – мистер Бойл, сейчас подойдет сменный заместитель директора аэропорта, и она все вам объяснит, – выдохнул он на одном дыхании и рванул с места с такой скоростью, что я не успел даже спросить, как зовут этого таинственного человека. Её? В Денвере никогда не было заместителей женщин, я знал этот аэропорт как свои пять пальцев и не помню, чтобы слышал о какой-то дамочке, хотя, зная Майкла, я мог не удивляться, он всегда любил увиваться за женщинами, наверное, привел свою очередную пассию лет сорока с несколькими докторскими по архитектуре и истории искусств, как это бывало и раньше. Я сел на кресло и выпустил воздух из легких. Этот день начинался как полное дерьмо и теперь обещает быть одним из худших.

– Мистер Бойл, – меня вывел из мыслей сладкий голос, и я поднял глаза на ту, что стояла прямо возле меня и буравила своим взглядом. Серо-голубые глаза, в которых полыхал огонь, нет, скорее ярость, и я был уверен, она была направлена на меня. Я улыбнулся своей самой соблазнительной улыбкой и встал с кресла.

– Да, мисс? – я протянул руку, но эта девушка её даже не заметила и лишь отошла от меня на пару шагов, явно осматривая и делая свои выводы. Под её взглядом я впервые чувствовал себя как-то неловко, будто меня исследуют, изучают и я нахожусь под микроскопом. Я почувствовал, как по спине сбежала капелька пота от её взгляда, и тяжело сглотнул.

– Я пришла к вам, чтобы сообщить о том, что вылеты рейсов откладываются пока на неопределенное время и, боюсь, ваш рейс тоже, – она даже не попыталась улыбнуться или подсластить пилюлю, просто вот так ставит меня перед фактом. Меня?

– Мисс, мне надо улететь сейчас, плевать на ваши правила, мои летчики в самолете и готовы к вылету, вам всего лишь надо нажать на звонок в телефоне и дать добро на вылет.

– Никто и никуда сегодня не полетит, – настаивала девушка. Я сделал шаг назад, чтобы рассмотреть её и понять, как мне следует продолжать диалог. Она совсем крохотная, сантиметров на 20, а то и 30 ниже меня, у нее очаровательные пухлые щечки, на которых появился румянец, едва я начал её рассматривать. В её глазах все так же полыхал огонь, и я пока не уверен, что знаю причину, но мне стало очень любопытно, что с ней не так. Она была одета в ужасную форму, но это не мешало ей оставаться привлекательной, это платье делало её такой целомудренной, что уверен, когда она его снимает, превращается в дикую кошечку, у нее собраны волосы в тугий пучок, а на личико аккуратно нанесен макияж, но думаю, она и без него прекрасна. Её губы немного дрожат, такие розовые, кажется, будто их недавно кто-то покусал, они видятся мне слишком алыми. Я изучаю её медленно и вижу, как она сжимается под моим

взглядом, что наводит на мысль о том, что от нее не ускользает то, что испытывают обычно женщины в моем присутствии. Желание. Будет слишком легко.

– Мисс, мне очень надо улететь. Может, мы можем решить это между нами? – я подхожу к ней непозволительно близко, таким образом замечаю, как у нее перехватывает дыхание. И почему я раньше не видел эту милашку тут? Она вся дрожит, и я уже принимаю свою победу как свершившийся факт, но её голос заставляет меня резко изменить планы.

– Если вам не дорога ваша жизнь, то можете садиться в самолет самостоятельно и лететь куда угодно. Но я не выпущу самолет отсюда, потому что не хочу, чтобы из-за вашей глупости погибли еще и пилоты, и экипаж, и сопровождающие вас лица.

Я приближаюсь практически вплотную, не давая ей даже шанса взглянуть в моё лицо, я понимаю, что могу напугать её одним своим видом.

– Вы понимаете, кто я и что могу сделать? Мне надо вылететь из этого аэропорта сегодня, и я собираюсь сделать это с вашей помощью или без нее.

– Вы совсем глупый? Я сказала, что никто не улетит отсюда.

Моя рука взметнулась вверх, и я уже собирался сделать то, что обычно не в моих правилах, – применение силы против воли женщины непозволительно, – но она буквально нарывалась на то, чтобы я сделал так, чтобы она пожалела о своем решении.

– Уорен, помогите мистеру Бойлу покинуть аэропорт, – я успел лишь увидеть, как двое мужчин встали по обе стороны от меня, перед тем как гневно взглянул на эту невыносимую девушку, которая разговаривала со мной совсем не так, как полагается. Меня силой развернули к ней спиной и, подхватив под руки, повели к выходу, я даже не сопротивлялся. Слышал только, что она что-то говорила, но её слова уже не долетали до меня. Уорен и еще какой-то верзила не позволили бы мне обернуться и посмотреть на нее еще раз. Но я навсегда запомню эти каштановые пряди, которые выбились из идеальной прически и обрамляли её личико, делаая ещё прекраснее, как её глаза горели этим огнем, когда она кричала на меня, и я точно не забуду, как сбилось её дыхание при одном взгляде на меня.

Я прикурил, стоя на улице, и поднес телефон к уху.

– Тэг, – на другой стороне провода послышались ругательства, и я был уверен, что так мой адвокат приветствует только меня одного.

– Узнай все об одной девчонке, – я снова услышал ругательства и усмехнулся. Кажется, утренняя головная боль вновь возвращается ко мне.

– Нет, я уже трезвый. Просто узнай все что сможешь об Алисе Грин – заместителе директора аэропорта Денвера. Это очень важно, – на том конце провода послышался ответ, я получил согласие, которого ждал.

– И да, расторгни брак с Шайлин в ближайшее время. Отдай все, что она попросит. И спасибо, Тэг.

Я положил телефон в задний карман брюк и выкинул недокуренную сигарету в урну.

Ну что же, мисс Алиса Грин. Игра только начинается. Я сделаю твою жизнь такой невыносимой, что ты пожалеешь, однажды преградив мне путь. Надеюсь, ты знаешь, что такое страдать, потому что с этого момента твоя жизнь станет невыносимой.

Я усмехнулся собственным мыслям. Эта девчонка – настоящая ядерная катастрофа, интересно будет посмотреть, как она сломается. Это будет очень интересная игра.

Глава 1

– Нам правда необходимо туда идти? Может, останемся дома и закажем пиццу? – мой голос звучит жалобно, хотя я и знаю, что это никак не подействует на моего мужа и мы все равно пойдем на очередной званый ужин в университете. Дэвид мне даже не отвечает, отчего я чувствую себя немного забытой и пронзаю его, сидящего на диване и внимательно изучающего сегодняшнюю газету, взглядом, полным негодования. Он этого даже не замечает, и мне остается вернуться к зеркалу и вновь убедиться, что я выгляжу идеально.

Мы женаты уже полгода, и эта тишина стала для меня вполне привычной в таких недолгих отношениях. Почти сразу со дня свадьбы нам стало легко находиться рядом друг с другом, хотя я иногда и думаю, что, возможно, это совсем не хорошо, а нам просто нечего сказать своей половине. Надеюсь лишь, что это не так и на самом деле мы с Дэвидом просто идеально подходим друг другу. Его спокойствие дополняет мою активность, а моя болтливость компенсируется его молчаливостью, инь и ян наконец встретились в нашем лице.

– Ты знаешь, я бы хотел, но сегодня вечер в честь бывших выпускников, и я обязан присутствовать, а ты моя супруга и обязана поддерживать меня, – он делает акцент на таком ненавистном мне слове «супруга», отчего по моему лицу вновь скользит негодование или даже отвращение, и я чувствую, как Дэвид наконец отвлекается от своей газеты и ощущаю его взгляд, скользящий по мне.

Да, я его жена и теперь, обретя совсем другой статус, чувствую необходимость соответствовать ему. На удивление я почти не замечаю дискомфорта от такого перевоплощения, как, например, я отталкивала любые изменения в себе в прошлом году. Для такого человека, как Дэвид, мне искренне хочется быть лучше, чем я есть. Не знаю, правда, хорошо это или нет. Может, так я стараюсь компенсировать отсутствие любви, которая еще не постучалась ко мне в дверь, а, кажется, наоборот, заперла за собой её на десять замков и, как обиженный ребенок, еще и хлопнула дверью перед уходом.

За полгода я превратилась из ответственной сотрудницы аэропорта, авиакомпании и обычной девушки в кедах и джинсах в жену преподавателя университета – я похудела на необходимые 17 килограммов, хотя Дэвид и утверждал, что в прежних формах я нравилась ему гораздо больше, но сейчас он совсем не противится моему новому облику и даже начал гордиться тем, что у него красивая жена. Вместе с килограммами ушли из моей жизни и сантименты волос, хотя я всего лишь отстригла челку, которая теперь прикрывает, как мне кажется, мой слишком высокий лоб. И мой имидж претерпел кардинальные изменения. Я так тщательно продумываю свой внешний вид каждый день, что иногда могу простоять около зеркала по полчаса, приводя себя в состояние «идеальная».

Вот и сегодня я уже, кажется, в третий раз поправляю челку, которая никак не может идеально лечь. Но наконец справившись с ней, поправляю нежно-розовый комбинезон и сажусь на мягкий пуфик у двери, чтобы застегнуть босоножки.

– Я люблю тебя, – Дэвид присаживается рядом со мной и поднимает моё лицо за подбородок, осторожно касается моих губ своими в совсем неощутимом, легком поцелуе и помогает встать с пуфика. Он бережно одевает на меня белый пиджак и подает мой серебристый клатч. Я молчу все время, и кажется, он уже привык к тому, что я не знаю, как ответить на его слова, на его поступки и внимание. Он идеальный мужчина, а я, как бы ни старалась, все равно не могу почувствовать себя достойной его.

Каждую ночь я лежала рядом с Дэвидом и чувствовала, как сильно нужна ему, он сильно прижимал меня к себе, так что порой не хватало воздуха. В комнату проникал холодный ветер сквозь открытое окно, и мне приходилось укутываться одеялом по глаза. Я знала, что мой муж испытывает, видела по его взгляду и тому, как он ищет в моих глазах понимание и под-

держку, чувствовала по его легким прикосновениям и тому, как смеется над моими шутками, даже самыми несмешными. Он был и будет моей поддержкой, главное для него – быть рядом со мной. Я ненавидела его за его чувства, которых я совсем недостойна. Ведь ко мне не приходил сон рядом с ним, я не могла сомкнуть глаз без того, чтобы не подумать о Фабиане и том, что я хотела бы, чтобы он сейчас прижимал меня к себе и вдыхал запах моих волос. Я бы не останавливала его руки, блуждающие по моему телу, не отворачивалась бы от поцелуев, жадных до ласки. Я ненавижу себя с каждым днем все сильнее из-за того, что мечтаю о том мужчине, что продолжает жить в моем сердце, несмотря на обручальное кольцо на безымянном пальце. За эти полгода не было и дня, чтобы я не подумала о Бойле, и именно за это ненавидела заодно и его.

Мы сели в такси, что помчало нас по ночным улицам любимого города. Дэвид сжимал мою руку в своей, и это делало нас такими настоящими. Глупо отрицать мои чувства к Дэвиду, ведь я на самом деле что-то испытываю, все-таки я живая женщина. Мне нравится, когда он меня касается, и нравится, когда говорит о своей любви, я таю от его прикосновений и того, каким он оказался нежным в постели, но это совсем не те эмоции, о которых я мечтаю или мечтала в прошлом. У нас нет страсти и животного влечения, у моего мужа нет стремления затащить меня в ванную комнату и, задрав платье, доказывать силу своего желания. У нас все скорее размеренно и просто, в постели под белыми накрахмаленными простынями, которые я так не любила в прошлой жизни. Мы будто женаты уже не первый десяток лет и слишком привыкли друг к другу. Но разве так должно быть у молодых людей, которые женаты всего полгода?

– Если ты хочешь, можем остаться только на официальную часть, а потом улизем и поедем домой, – голос моего мужа вырывает меня от наблюдения за видом ночного города и заставляет посмотреть на него.

– Я буду тебе очень благодарна, я действительно устала за неделю, – Дэвид поднимает мою руку и касается кожи губами в поцелуе, от которого я хотела бы, чтобы пробежали мурашки по спине и ногам, но я не чувствую ничего из того, что должна. – Хочу просто побыть с тобой вдвоем, – добавляю я и аккуратно провожу ладонью по щеке мужчины, пробуя ощущения от его щетины, такой мягкой и отросшей больше чем за десять дней.

– Тебя там совсем замучили? – обеспокоенный голос Дэвида на самом деле не вызывает во мне ничего, кроме желания попросить его не делать вид, что его волнует моя работа. Это единственное, о чем мы не можем договориться, и я завожусь, едва речь заходит о моем поле деятельности. Все просто: Дэвид считает, что я не должна работать вообще, могу спокойно сидеть дома и просто жить как жена преподавателя, не отказывая себе ни в чем, ведь есть еще его трастовый фонд. Но я никогда так не умела делать и учиться не собиралась. Да, мне нравится то, что Дэвид может делать мне безумно дорогие подарки и я не считаю деньги, впрочем, я никогда себя и не ограничивала ранее, но теперь мы купили мне новую машину и спокойно помогаем отцу с Люси. Но дело же не в деньгах, а в том, что я должна чем-то заниматься, и – слава всем святым! – я нашла то, что меня будет волновать даже вдали от Фабиана. Естественно, речи и не могло быть о возвращении в аэропорт, несмотря на то что такое предложение поступило, но согласиться я не могла из-за высокой вероятности встретиться лицом к лицу с мужчиной, что застрял в моей голове. Поэтому мне пришлось просидеть пару месяцев дома, прежде чем наконец найти то, чем я увлечена по-настоящему. Моя работа действительно приносит мне удовольствие, несмотря на совершенно противоположные чувства у моего мужа. Я стала преподавать на высших авиационных курсах, мой предмет – наземное обслуживание пассажиров, багажа, почты и груза. То, что я знаю лучше всего. Я отдаю себя работе полностью, за что уже получила отличные отзывы от студентов, и запись на мой курс уже заполнена на ближайшие полгода. Это делает меня по-настоящему счастливой.

– Нет, просто в пятницу вечером я хотела бы побыть с мужем наедине.

Такси тормозит в студенческом городе напротив главного здания университета. Сегодня здесь пустынно. Нет привычной толпы студентов и преподавателей.

– Мы ненадолго, обещаю, – Дэвид подает мне руку, помогая вылезти из машины, и хлопает дверью позади меня. Это обещание застывает в воздухе, хотя я не могу верить ему сейчас. Несмотря на то что Дэвид утверждает, что я трудоголик, и ему не нравится, что я пропадаю на работе, на самом деле это его отличительная особенность не меньше, чем моя.

Задерживаться на работе для Дэвида совершенно нормально, и, честно, я стараюсь не думать о студентках, подобных мне, задерживающихся в кабинете моего мужа, которым он мог бы так же, как и мне, говорить непристойности, так что девушки будут заливать краской, но всегда соглашаться на его предложения. На самом деле я не ревную его, может, из-за того, что доверяю, а может быть, потому что не чувствую того, что он мог бы мне изменить, а мысль о том, что это из-за отсутствия любви, я стараюсь отгонять из своей головы. Дэвид любит свою работу, и ему нравятся подобные сборища, когда он может показывать своим коллегам своей успех, он считается лучшим преподавателям на курсе, и его студенты всегда посещают его занятия со стопроцентной явкой, у него самый высокий рейтинг среди преподавателей, а теперь, еще имея красивую жену, соответствующую ему по статусу, Дэвид может считаться королем этого университета. Здесь даже закрыли глаза на то, что он женился на своей студентке, ведь я бросила занятия почти сразу после свадьбы и теперь просто считаюсь его умницей женой.

– Я тебя покину всего на минуточку, – Дэвид отпускает мою руку, заменяя свою бокалом с янтарной жидкостью, и скрывается среди одинаковых твидовых пиджаков. Я могу только выдохнуть с облегчением и достать из клатча свой телефон. Мои пальцы набирают привычные цифры, и я слышу радостный голос Евы в трубке, отчего на моем лице застывает ответная улыбка, несмотря на то что она её не увидит.

– Как дела, моя маленькая сестренка? – припевает она в трубку.

– Мы на очередном скучном вечере, хорошо, что здесь алкоголь не платный, – мои губы касаются холодного стекла бокала, и на языке я ощущаю терпкий вкус отличного шотландского виски.

– Дэвид, как всегда, оставил тебя одну?

– Да, – я оглядываю зал в поисках светлой макушки моего мужа и застаю его в привычной для него компании и улыбаюсь, – миссис Крайс, как всегда, трется возле него и все время поправляет его воротник, это уже выглядит неправильно, – я усмехаюсь на действия жены одного из преподавателей и отхожу в противоположную сторону, скрываясь в тени.

– Эта женщина определенно хочет твоего мужа, – усмехается моя сестра.

– Мне даже жаль, что у нее нет ни единого шанса, ты бы видела его лицо, когда она касается его, кажется, еще немного, и его стошнит от её присутствия.

– У нее нет ни единого шанса, потому что у него есть такая жена, как ты.

Я слышу голос Евы, но что-то в толпе меня отвлекает, и я теряю её слова, всматриваюсь в толпу. Нет, мне просто показалось.

– Ау, ты меня слышишь вообще? Я вообще-то тебе говорю комплимент, – кричит в трубку сестра, и я снова возвращаюсь к ней.

– Да, прости, мне показалось, что увидела знакомого в зале. Что ты говоришь?

– А, ладно, забудь.

– Ну не обижайся. Расскажи, как у вас с Адамом дела?

– Готовимся к свадьбе, кажется, эта подготовка меня вконец добьет. Столько всего надо подготовить. Ты знала, что надо заказывать платье не меньше чем за полгода? – Ева делает измученный голос, и мне остается лишь посмеяться про себя. Действительно, откуда мне знать, как все делается по правилам? Я всего лишь замужем, и моя свадьба не была чем-то сверхъестественным несмотря на то, что стала для меня особенной, и не только потому, что теперь меня

называют миссис Стэнджер. Мы правда все спланировали и организовали слишком быстро, да и поженились мы чересчур быстро. Я не уверена все еще, что это было правильное решение.

Я отвлекаюсь от голоса Евы, замечая в толпе снова знакомую прическу, так что рука непроизвольно дрожит, и мой телефон падает в бокал с виски и издает странный пищавший звук.

– Черт, – вырывается у меня слишком громко ругательство. Я не успела попрощаться с Евой, а телефон вырубился от попавшей жидкости. Просто замечательно, и что мне теперь делать оставшееся время?

Я осторожно промачиваю телефон салфеткой у бара и оставляю там же бокал, видимо, мне не стоит сегодня пить.

Пробегаюсь взглядом по залу и, убедившись в том, что Дэвид все еще занят общением со своими коллегами, выхожу на просторную террасу, вдыхая свежего воздуха.

Мою жизнь вполне можно назвать идеальной, интересно тогда, почему я чувствую себя недостаточно счастливой? У меня замечательный муж, который любит меня, и несмотря на все наши различия, я чувствую, что мы достаточно близки. Мой отец и мачеха обожают приезжать и общаться с нами, у меня чудесные отношения с папой, кажется, в первый раз за долгие годы мы наконец нашли общий язык, и несмотря на то, что он предпочитает проводить время с Дэвидом, я чувствую, что он гордится мной, именно этого я ждала долгие годы. У моих лучших подруг все замечательно, и я бесконечно счастлива за них: Ева наконец помолвлена с Адамом, фантастическим парнем, адвокатом в какой-то фирме, а Анна и Маркус ждут своего первого ребеночка. Я уверена, что у них впереди еще не меньше двоих, но этот, такой долгожданный, будет любим всеми без исключения. Мы общаемся каждую неделю, встречаясь в нашем любимом кафе, и бесконечно долго ежедневно болтаем по телефону, несмотря на то что мы все теперь заняты свое личной жизнью, я чувствую, как мы стали по-настоящему близки, особенно после полноценного переезда Анны и Маркуса в Денвер. Я счастлива – именно это твержу себе ежедневно, но почему-то не чувствую, самовнушение не работает.

– Чудесная ночь, правда?

Моё сердце падает в тот же самый миг, как слова долетают до ушей и я узнаю голос не слухом, а скорее моя душа откликается на него. Я боюсь повернуться к человеку, произнесшему их, но понимаю, что как бы я ни хотела сбежать, мне это не удастся сегодня. Я чувствую, как тяжелая рука ложится рядом с моей на перила передо мной, и все еще не решаюсь посмотреть на мужчину, что стоит так близко и наверняка может почувствовать, с какой скоростью забилося моё сердце. Оно готово впрыгнуть и упасть к его ногам. Это было не видение в зале, это самая ужасная реальность, которая настигла меня. Я чувствую, как взгляд скользит по моей руке выше, поднимается по груди к шее, касается волос и вновь спускается, чтобы увидеть злополучное кольцо на противоположной руке.

– Могла бы быть, – мой голос дрожит, и я наконец набираюсь сил, чтобы повернуть голову и коснуться взглядом отросших черных волос, щетинистого подбородка и прямого носа, черные глаза, как и прежде, прожигают во мне дыру, и я с трудом сглатываю, мгновенного отвожу взгляд, потому что боюсь того, что почувствовала в это мгновение. Нет, я не должна это чувствовать. Но моё сердце кричит все громче в груди, и я знаю, что он слышит его так же, как и я. Предательские эмоции, почему я такая слабая? Даже спустя долгие месяцы я продолжаю быть слабой рядом с ним, хотя должна была бы набраться сил противостоять своим чувствам к этому мужчине.

– Посмотри на меня, – призывает он едва слышно, и я не могу не подчиниться. Мои глаза взмывают вверх, и я вновь погружаюсь в его темноту.

– Черт, ты стала еще красивее, – его пальцы осторожно касаются моего подбородка, и по всему телу пролетает миллион разрядов тока, я никогда не ощущала его необходимость так остро, как в это мгновение.

Он смотрит мне прямо в глаза, а я, будто загипнотизированная, утонула в нем, что не могу даже дышать, моя грудь вроде и поднимается, и опускается, как обычно, но я не чувствую, что живу в этот момент. До этой секунды я и не думала, что мои чувства остались прежними, что бабочки в моем животе продолжают танцевать, едва я ощущаю его присутствие рядом, а моё сердце начинает биться с утроенной скоростью. Я не думала, что все еще люблю его, но кажется, я просто заперла свои чувства глубоко, настолько глубоко, что забыла о них. Но вот сейчас он передо мной, и я вновь чувствую себя прежней влюбленной до боли в груди девочкой, что летала с ним вместе по миру и старалась стать кем-то большим. Куда потерялась замужня уверенная в себе женщина? Где весь тот образ, что я строила долгие полгода?

– Скажи что-нибудь, – призывает он, и я уже почти откликаюсь на его просьбу, потому что не могу молчать, но мой рот закрывается после первой попытки, и я не могу заставить себя сказать и слово. Лишь отстраняюсь от него на несколько шагов назад и теряю теплоту его рук.

Господи, ну почему я продолжаю чувствовать это? Почему он рядом, и я не могу перестать любить его? Фабиан, зачем ты так надо мной издеваешься? Зачем мучаешь меня?

Мне кажется, что я снова стою в церкви и принимаю решение, которое не должна была. Я снова и снова прокручиваю в голове, что было бы, если я ушла бы за ним, я боялась снова встретиться взглядом с этим мужчиной, потому что лишь с большей силой убеждаюсь, что я совершила странный поступок, отпустив его из своей жизни.

Фабиан все так же красив, как и прежде, и мне немного больно смотреть на него. Хотелось бы мне чувствовать себя уверенной рядом с ним, как это было всего несколько минут назад рядом с Дэвидом, но рядом с Фабианом мне никогда не удавалось почувствовать себя хотя бы на маленькую долю достойной его.

– Зачем ты здесь? – я наконец беру себя в руки, хотя меня и продолжает немного трясти.

– Они не могут не звать основателя одной из самых главных стипендий, – бросает он, будто все это так просто объясняет, и разворачивается лицом к парку, его профиль оказывается в тени, и мне становится гораздо проще дышать.

А что я ожидала? Чтобы он сказал, что пришел за мной? Что наконец решил бороться за нас, несмотря на моё решение? Это глупо, и если первые недели я думала о том, что Фабиан появится в моей жизни и не отпустит просто так, но потом я потеряла всякую надежду на такой исход и просто попыталась наладить свою жизнь рядом с любящим мужчиной. Это оказалось легче, чем мне представлялось, несмотря на то что я все еще не могла сказать Дэвиду заветные слова «я тебя люблю», мне удастся быть хорошей женой, во всяком случае на людях я именно такая. И вот теперь, когда все наконец стало просто и мы научились жить вместе, когда понимаем, как нам общаться, и я получаю удовольствие от его прикосновений, появляется тот, кто одним своим присутствием берedit старые раны и разрушает мой привычный мир, даже на мгновение, но он был разрушен.

– Как ты живешь? – единственный вопрос, что приходит мне в голову, хотя я и не уверена, что хочу знать на него ответ. Ведь от меня не может ускользнуть кольцо на его пальце. Хочу ли я знать, что это значит, или мой шанс уже давно потерян и теперь он любит другую? Так же как любил меня или гораздо сильнее? Достояна ли она его, а была ли я когда-то достойна? Вопросы крутятся в голове, пока делаю еще пару шагов от него, облакачиваюсь на перила и также погружаюсь взглядом в темноту парка передо мной.

– Что ты хочешь знать?

Я хочу спросить, счастлив ли он, кто она и любил ли он её, я думаю о том, чтобы не казаться отчаявшейся и все еще влюбленной, но каждая моя фраза, проигранная в голове, звучит еще более жалкой, чем предыдущая.

– Все, – единственное, что кажется не странным из моих уст, и едва слово срывается, я понимаю, что на самом деле оно ничего не значит. Он – весь мир, и мне всегда было его мало,

и в это мгновение я понимаю, насколько я потеряла давно его для себя. Я стала совсем другой, и разве старые чувства способны сделать меня прежней?

– Я женился, ББА процветает. Я скучаю по тебе.

Мне кажется, что земля превращается в лаву под моими ногами, потому что я не могу стоять на месте, меня начинает трясти будто в лихорадке, но кажется, Фабиан не замечает того, что со мной происходит. Может, он считает, что это привычная реакция, а может, именно такой он и добивался. Господи, ну почему я не могу вести себя нормально и почему моё тело и душа реагируют на него подобным образом, хотя я и внушала себе перестать думать о нем?

– Не надо говорить то, что не чувствуешь.

Фабиан оказывается возле меня в считанные секунды, так что я даже не успеваю подумать о сказанных словах. Он смотрит мне в самую душу, и уверена, видит сквозь грудную клетку, как бьется моё сердце. Его пальцы вновь касаются моего подбородка, но уже жестче и резче заставляет посмотреть на себя. Меня все еще трясет от его присутствия, но я не даю себе возможности подумать о том, какие эмоции на самом деле испытываю от его прикосновений.

– Я не просто так следил за тобой шесть долгих месяцев, Алиса, чтобы теперь начать врать, – его дыхание больно обжигает меня, хотя, может, это боль от сказанных им слов. До меня почти не доходит их смысл, хотя я и понимаю, что должна была бы задуматься о сказанном. Но меня трогает лишь его присутствие совсем рядом. Я непроизвольно приподнимаюсь на пальцы ног и оказываюсь чуть ближе к нему, чувствую его губы рядом со своими и почти делаю шаг навстречу пропасти, но Фабиан отпускает меня и делает шаг назад.

– Ты думала когда-нибудь о том, как больно мне сделала? – его вопрос разрывает пространство и обрушивается на меня будто ушат с холодной водой. Я пячусь назад от Фабиана и запахиваю полы пиджака, потому что кажется, будто мороз пронзил меня, касаясь самых тонких нервов и задевая собой все, что вызывает теплые эмоции.

– Я был очень несчастлив.

Был. Как быстро можно перестать чувствовать боль? Как быстро ваши раны затягиваются, чтобы впустить что-то новое в свою жизнь и попытаться быть счастливым? Я не знаю границ для своей боли, так же как и не знаю, как её испытывают другие. Наверное, я не перестаю её чувствовать по сей день, несмотря на замершую на моем лице улыбку. Каждый день я ощущаю боль, которая разливается по моему телу и дает импульс жить. Даже с этой болью я готова жить, лишь бы жить и каждый день пытаться почувствовать что-то другое, кроме боли. Иногда, в хорошие дни, мне это удается, и на мгновение я перестаю испытывать это чувство, а иногда, в черные дни, она проникает так глубоко, что я не проявляю желания даже встать с кровати. Но никто не должен знать о ней, это моё и только моё, и значит, я сама должна с этим либо жить, либо отпустить и навсегда уснуть. Но такой вариант для себя я не рассматриваю.

– Что я должна сказать? Мне жаль? Что ты хочешь? Ты здесь для чего? Сказать, что теперь счастлив, или удостовериться, что я могу жить дальше без тебя? Зачем ты здесь? – говорю я, лишь усиливая нажим с каждым словом, и на последних даже слышу, как они отражаются от стен. Хорошо, что мы достаточно далеко от людей в зале, чтобы они не могли слышать того, что здесь происходит. Хотя я и сама не особенно понимаю, что здесь происходит.

– Я не знаю, зачем я здесь. Это глупое желание увидеть тебя засело во мне, – он стоит на месте, но я чувствую, как его взгляд блуждает по мне. По спине и ногам, по ягодицам, едва прикрытым белым пиджаком, плечам, шее и волосам. Я чувствую это так, будто он касается меня своими теплыми руками. Сейчас здесь, рядом со мной, тот Фабиан, что был на свадьбе, не мой деспотичный эгоистичный начальник, здесь любящий мужчина, вот только любит ли он меня или это лишь глупая игра в желание убедиться, что я ему больше не нужна?

– Все, ты удовлетворен, теперь позволь я вернусь к мужу, – я резко разворачиваюсь на высоких каблуках, и мне уже кажется, что мне удастся проскользнуть мимо Фабиана и выпорхнуть в открытую дверь и оказаться в безопасности толпы преподавателей. Но я зря

порадовалась раньше времени. Я чувствую резкую боль в руке, как чувствовала когда-то, наверное, в прошлое жизни. Той, что была до Дэвида, Фабиан притягивает меня с силой к себе так, что я даже не успеваю увернуться и оказываюсь прижатой к его груди.

– Я не говорил, что теперь позволю тебе уйти, – его пальцы проходятся по моей скуле и отбрасывают волосы, что падают на лицо, по телу пробегает холодок, но я чувствую лишь, как разгорается пламя где-то внутри меня от его таких нежных и забытых прикосновений. Он склоняется ко мне, и я всего в секунде от падения в бездну.

Его губы касаются моих, и я оказываюсь в пропасти из своих желаний и мечтаний, я погружаюсь все глубже в ад и понимаю, что никогда и не захотела бы из него выбраться. Это мой личный рай, я тащусь от боли, что мне причиняет этот мужчина, и, наверное, никогда не перестану наслаждаться ею.

Его губы со вкусом виски, такие сладкие и желанные. Мне кажется, я растворяюсь в этом поцелуе, начавшемся так внезапно, но теперь я буквально поедаю его. Мои пальцы зарываются в его отросшие волосы, и я натягиваю их с силой, стараясь почувствовать вкус Фабиана. Мне кажется, я никогда не была такой жадной и голодной, но я хочу раздавить его, подчинить и сделать своим, хотя бы на это мгновение. Его губы сильнее прижимались к моим, я чувствовала всю силу его желания и не могла не идти на поводу этих эмоций. Он с силой закусил мою губу и потянул на себя, причиняя боль на грани удовольствия. Я застонала в его приоткрытые губы и сильнее сжала волосы. Мне показалось, что мир перестал вращаться, что здесь есть только мы с ним и нет ни одного человека. Тем более не существует моего мужа, кажется, его жены и еще сотни человек в соседнем зале. Я лишь чувствовала, как скучала по нему и этим самым жадным поцелуям в моей жизни. У меня перехватило дыхание, и только это заставило меня оторваться от Фабиана и тяжело задыхаться, стоя рядом с ним и видя его недоумение и смятение от собственного поступка и моего ответа на него. Мы молчали и смотрели друг другу в глаза, не решаясь каждый заговорить первым. Не знаю, какие мысли крутились в его голове, но меня разрывало от противоречивости собственных ощущений.

Я самый ужасный человек в мире – это первое, о чем я подумала. Мой муж в соседнем кабинете, и я целуюсь здесь с совершенно другим мужчиной, даже больше чем целуюсь, я поедала его, как изголодавшаяся самка, какой и почувствовала себя рядом с Фабианом. Следующая моя мысль – что это было просто восхитительно, и рада, что все еще способна чувствовать что-то подобное. Затем мысли полетели с бешеной скоростью, и кажется, Фабиан видел по моему лицу, как скачут мои эмоции от радостного перевозбуждения до гневного самобичевания. Он лишь сделал шаг ко мне и взял осторожно за руку. Поднес её к своим губам и коснулся каждой костяшки с нежностью, которой я никогда раньше в нем не видела.

– Ничего не изменилось.

Я даже не знаю, вопрос ли он задал или констатировал факт. Впрочем, это не имеет значения, что бы это ни было, это было правдой, и я не хотела бы отрицать этого, хотя и должна.

– Все изменилось, Фабиан. Ты женат, а я замужем, и проще от этого не стало. Но точно теперь все лучше, нам не просто не суждено быть рядом, теперь это еще и неправильно по отношению к людям, что находятся рядом с нами, – я сама удивляюсь тому, как могу произносить эти правильные слова, несмотря на свое желание кричать о том, что я все еще его, схватить его за руку и сбежать за горизонт лишь вдвоем.

– Я не люблю её, ты не любишь своего мужа. Не вижу преград не наслаждаться нашей любовью друг к другу, – он с силой сжал мою руку, и я почувствовала, как действительно хочу реализовать его слова. Я всегда была правильной девочкой и делала как должна, а не как хочу. Я никогда не изменяла, наверное, поэтому изменяли мне. Но теперь, стоя перед выбором, я не должна принимать решение, неправильно даже думать об этом.

– Нет, я так никогда не смогу поступить с Дэвидом, – я вырываю руку от Фабиана и уже делаю шаг от него, чтобы наконец скрыться в общем зале.

– Я не просто так следил за тобой полгода, Алиса, чтобы теперь отпустить, – повторяет он свои слова, смысл которых наконец до меня дошел, отчего я пошатнулась и схватилась рукой за ручку двери, стараясь перевести дыхание.

– Я все еще люблю тебя и не дам снова убежать от меня, ты не захочешь этого, – его слова звучали как угроза, отчего я поморщилась и вышла в общий зал.

Он никогда мне не врал и никогда не бросал слов на ветер, а значит, мне нужно попытаться держаться от него подальше. Мне нужно быть рядом с Дэвидом и вспомнить, чья я жена и почему я выбрала именно этого мужчину в свои спутники жизни. Я замечаю светлую голову в зале и пробираюсь сквозь толпу к своему мужчине. Он стоит в окружении таких же преподавателей, как и он, довольно смеется над чьей-то очередной шуткой. Я хватаюсь за его руку как за спасательный круг. Его глаза горят от выпитого алкоголя, и Дэвид прижимает меня к себе, показывая остальным, что я только его.

Но именно это мне сейчас и нужно, почувствовать его силу и то, что я его жена, я его и только его – навсегда.

– У тебя смазлся блеск, – на ухо шепчет мне Дэвид и осторожно кончиком пальца поправляет блеск на моей верхней губе, отчего по спине пробегают мурашки. Он и не представляет, почему он смазлся, и, наверное, даже не думает, что я могла бы так опуститься. Меня не заботило, что кто-то мог выйти в это время и увидеть меня, меня и не волновало, что это мог быть и сам Дэвид. Я веду себя неправильно и должна срочно перестать представлять себя той девчонкой, что была раньше. Я другая.

– Я устала, мы можем поехать домой? – моя рука дрожит в ладони Дэвида, и он озабоченно смотрит на наши руки и лишь кивает головой. Мы уже давно начали понимать друг друга без слов, и это сейчас кажется таким нормальным и правильным. Да, Дэвид не вызывает бабочек в моем животе, но зато он вызывает гораздо более правильные и стабильные эмоции. Он верный выбор, я внушаю себе это пока, мы выходим из здания университета и садимся в такси.

Мы молчим всю дорогу до дома, до нашего маленького очага счастья и спокойствия. Дэвид с силой сжимает мою холодную ладонь, а я все еще ощущаю губы Фабиана на ней и на своих губах. Мне кажется, что Дэвид чувствует, что от меня пахнет другим мужчиной, или это я сама чувствую этот терпкий запах Фабиана на себе. Я ощущаю себя предательницей и безумной женщиной. Я не имею права предавать Дэвида, он лучшее, что было в моей жизни, и я не должна даже позволять себе думать о Фабиане и даже задумываться о его грязном предложении. Он отстанет от меня, когда поймет, что дальше этого поцелуя дело никогда не пойдет. Я могу быть счастлива только с Дэвидом, и так будет всегда.

Глава 2

Я резко открываю глаза.

Черт, что я вчера наделала!

Мой мозг несколько секунд пытается собрать информацию воедино и понять, где я нахожусь. Но все как всегда. В нашу просторную спальню на втором этаже проникает неяркое солнце, и я поворачиваю голову, чтобы, как и всегда, увидеть спящего Дэвида, как и каждое утро, его волосы, немного отросшие за последние месяцы, разметались по подушке, его нижняя губа чуть выпячена, а ресницы подрагивают во сне. Не знаю почему, но мне нравится смотреть на этого мужчину во время сна. Он такой умиротворенный и красивый, и я раз за разом стараюсь понять, почему он выбрал меня и какие чувства я испытываю к нему сама. Честно, мне нравится просыпаться с ним рядом. Нравится его запах и заспанный взгляд. Я улыбаюсь в ответ, когда на его лице замирает приветственная утренняя улыбка, и если быть совсем откровенной, то я люблю наблюдать, как он в одних трусах утром закрывается в ванной комнате. Он действительно очень красивый мужчина, и поэтому я все еще пытаюсь уложить в голове, что на мой палец надето кольцо именно им.

Я осторожно, едва касаясь, провожу пальцами по его щетинистому подбородку, едва задеваю губы, отчего Дэвид хмурится и переворачивается на спину. Я могла бы так лежать до самого его пробуждения, но сегодня нам предстоит сделать еще много дел, поэтому я выскальзываю из кровати, касаясь пальцами холодного пола. Кажется, я и не заметила того, что пришла зима. Я стараюсь как можно тише подойти к термостату и подкрутить его на максимальную температуру, чувствую, как холодно в комнате, и ежусь от того, как по телу пробегают мурашки от озноба. Я накидываю легкий халат и, прихватив из ящика теплые носки, выскальзываю в приоткрытую дверь, осторожно закрывая её за собой, стараюсь не шуметь.

Мы живем в пригороде Денвера, в одном из тихих районов, населенных сплошь семейными парами с детьми, которые обожают устраивать соседские посиделки по выходным. Раз в месяц у нас обязательно происходит какой-то соседский праздник, где должны все присутствовать и на которые я стараюсь не ходить, поэтому Дэвиду приходится придумывать оправдания за меня. Он живет здесь с того самого дня, как переехал в Денвер, и считает это лучшим местом для нашей семьи. Но если честно, я очень скучаю по шумному городу и неоновым огням, которые проникают через занавешенные окна. Хотя и в жизни в пригороде я не вижу ничего плохого, но не считаю себя такой соседкой девчонкой как раньше, больше не считаю.

Я иду по коридору, стараясь натянуть носки, потому что пол действительно холодный. В узком коридоре развешаны наши совместные фотографии, и я бросаю взгляд на наше свадебное фото. Я улыбалась в своем простом белом платье, танцую с отцом Дэвида, а сам мой муж следит в углу кадра за нами, его лицо излучает любовь и восхищение, хочется надеяться, что я действительно заслуживаю этого. Но почему-то я почти уверена, что не заслуживаю. В голове вновь возникает образ того, как я целую Фабиана и буквально хочу его поглотить, я вела себя как изголодавшееся животное. По телу пробегает дрожь от воспоминаний, и я едва успеваю схватиться за поручень на лестнице, чтобы не упасть от накативших воспоминаний. Мне надо просто выкинуть это из головы. Я с Дэвидом, и так будет всегда. Мы просто не должны больше никогда видеться с Бойлом, и тогда моя жизнь снова вернется в привычное безмятежное русло. Это правильно.

Я спускаюсь на кухню, чтобы, как и всегда по выходным, приготовить нам завтрак. Это единственные дни, когда я чувствую себя хорошей женой. Я запускаю капсулы в кофеварку и нажимаю комбинацию кнопок для лучшего утреннего кофе. Шарю в холодильнике в поисках яиц и молока, потому что Дэвид никогда не ставит все на место, у него странная привычка каждый раз класть вещи в разные места, он объясняет это привычкой не задумываться над при-

вычными действиями и делать все на автомате – где есть место, туда и кладет. Но это странно, ведь на автомате ты делаешь привычное действие, а значит, как раз все должно быть наоборот – ставить на привычное место, откуда взял. Но на самом деле я лишь придираюсь к мелочам, потому что Дэвид из тех мужчин, которые все делают идеально и никогда не дают повода усомниться в этом, для этого я и ищу недостатки в его поступках, хотя бы чуть-чуть понимать, что он неидеальный и тоже является просто человеком.

Я ставлю на плиту сковороду и разогреваю масло, принимая решение приготовить сегодня панкейки. Замешиваю тесто, размышляя о том, что это все стало таким рутинным. Мы женаты всего полгода, но все делается на автомате и не происходит никаких событий, способных сорвать нашу привычную жизнь.

Из колонок радио льется музыка 90-х, и я кручу бедрами, стараясь пританцовывать, как делаю это каждое субботнее утро, пока Дэвид спит в нашей кровати. Я пока не понимаю, нравится ли мне все это – вот такая обычная, привычная жизнь. Но до вчерашнего вечера я считала, что это ненормально, а теперь я думаю, что яркий взрыв в нашей обычной жизни супружеской пары абсолютно ненужный. Я же почти счастлива. Вот только почему я все еще чувствую вкус губ Фабиана и мне кажется, его аромат летает вокруг меня все то время, что я стою на кухне? Это совсем ненормально.

Пока на сковородке жарится первая порция, я лезу на самый верх полки и достаю карамельный и кленовый сироп, который так любит мой муж.

– У тебя постоянно пищит телефон, – оборачиваюсь на потирающего глаза Дэвида, он протягивает мне телефон, и на его лице отражается лишь недовольство, – я же просил не брать сотовый в спальню.

– Прости, – я забираю трубку из его рук, кладу её на барную стойку и подхожу к своему мужу, – совсем вылетело из головы, что он там, я думала, он внизу в сумке.

– Но в следующий раз я пошлю всех, кто названивает в такую рань в субботу, – он улыбается, и я знаю, что Дэвид совсем не злится. Он, кажется, вообще не умеет злиться, что почему-то кажется мне странным.

– Вкусно пахнет, – он притягивает меня к себе и заключает в крепкие объятия, упираясь носом в мою шею и прикусывая плечо.

– Сегодня у нас панкейки на завтра, – довольно улыбаюсь, и по телу пробегает волна того самого желания, которое я обычно испытываю к Дэвиду. Я живая, я чувствую что-то к своему мужу. Внутри все завязывается в странный узелок напряжения, но мне нравится это чувство рядом с мужем. Он опускает руки на мою попу, прикрытую лишь тонким шелком пижамных шорт, и с силой сжимает её, отчего по телу пробегает повторная волна желания.

– Я совсем не о еде, – шепчет он рядом с моим ухом и прикусывает мочку, отчего из моих губ вылетает стон и на лице Дэвида появляется победная улыбка.

– Еда может пригореть, – могу лишь выдавить из себя я, в то время как Дэвид проходится губами по моей ключице, задевает губами тонкое кружево моего пижамного топа и усмехается, видя, как по коже пробегают мурашки.

– Черт с ней, мой голод способна утолить лишь ты, – отрывается от меня на секунду, чтобы посадить на стол и завести мои ноги себе за спину, беззвучно приказывая сплести их и не отпускать его.

Обычно Дэвид совсем не такой с утра, но мне нравится то, что сегодня что-то поменялось в его привычном поведении. Мне нравятся его напор и страсть, может, он чувствует, что я отдалилась, или знает о том, что было вчера, а может, и знает, и чувствует одновременно, ведь вчера я была такой отдаленной и холодной рядом с ним. Ложась в постель, я не обняла его, как делаю это всегда, а сразу погрузилась в сон, который был для меня таким желанным в тот момент.

Дэвид касается губами моей груди через шелковую ткань, и моя голова запрокидывается назад, и глаза непроизвольно закрываются от удовольствия, которое он может мне доставить своим прикосновением даже сквозь тонкую ткань. Он прикусывает соски, напрягшиеся в то мгновение, как он коснулся чувствительного места своим пальцем, и я выдохнула его имя.

– Ты такая сладкая, лучше любого десерта, – мой муж сжимает холмики моей груди, и я вновь издаю нечленораздельный стон удовольствия.

– Посмотри на меня, – приказывает он, и я тут же распахиваю глаза, переводя взгляд на голубые глаза Дэвида, но сейчас они так затуманены, что я едва понимаю, что это глаза моего мужа, – я люблю тебя.

Его слова долетают до самого сердца, которое, кажется, готово разорваться от переизбытка эмоций сейчас. Он держит меня крепко, сжимая одной рукой мою грудь и чувствуя, как быстро бьется мое сердце, а другой притягивая ближе за ягодицы, впиваясь с силой в нежную кожу под тонкой тканью шорт. Я уже приоткрываю губы, чтобы ответить ему, что и я люблю его, в этот момент ведь я чувствую, что действительно люблю его.

Громкая мелодия разрывает комнату, и я будто просыпаюсь от этого сна. Глаза Дэвида вновь становятся голубыми, как и всегда, и он разжимает свои руки, отпуская меня, я сползаю на пол по столу и становлюсь рядом с ним. Безмолвно Дэвид протягивает мне телефон и выходит из комнаты, замирая в дверном проеме.

– Я в душ, – лишь говорит он и скрывается на лестнице.

Черт, что это вообще было?

Не смотря на экран телефона, я нажимаю «ответить» и прижимаю трубку к уху.

– Кто бы это ни был, вы чертовски не вовремя, – ругаясь, произношу я человеку по ту сторону разговора и возвращаюсь к подгоревшей порции панкейков.

– Очень на это надеюсь, – произносит голос в телефоне со злобой, и по моему телу теперь пробегает волна страха и ужаса.

Черт, только этого сейчас не хватало.

– Откуда у тебя этот номер, Фабиан? – произношу я, почти шепотом оборачиваясь назад, чтобы убедиться, что Дэвида в комнате нет. Я совсем не хочу рассказывать своему мужу о том, что единственный мужчина, способный разрушить нашу идеальную жизнь, звонит мне и, кажется, рад тому, что прервал то, что, возможно, происходит в этом доме. Но я надеюсь, что Бойл никогда не узнает то, чему он помешал сейчас.

– Не буду повторять то, что и так уже сказал дважды, – еще злее говорит в трубку он.

– Что ты хочешь? – мой голос звучит устало.

Я выбрасываю в помойку пригоревшие блинчики и делаю новую порцию, чтобы к тому моменту, как вернется Дэвид, завтрак уже был готов. Может, тогда у нас будет время продолжить то, что так неожиданно началось и мне безумно понравилось. Ведь обычно Дэвид не такой, у нас обычный рутинный секс в кровати ночью перед сном. Ничего интересного, но вместе с тем не так плохо. Мне почти всегда удается получить оргазм до того, как Дэвид пойдет принимать душ после секса и заснет, прижимая меня к себе. Даже думая об этом, я понимаю, что это совсем неправильно для молодоженов, коими я и считаю нас.

– Закончить наш вчерашний разговор, – возвращает меня в реальность голос Фабиана.

– Я все сказала, ничего не изменилось. Оставь меня в покое и двигайся дальше.

– Нет, – его голос звучит скорее как мольба, но, возможно, мне это только кажется, чтобы мое самолюбие немного поликовало, – почему ты не отвечаешь на мои сообщения?

– Я не видела никаких сообщений, – говорю я чистую правду и только в этот момент понимаю, кто разбудил моего мужа и обрушил на меня его страсть. Возможно, Дэвид увидел сообщения от Фабиана в телефоне, какими бы они ни были, и решил показать, кто может заставить меня чувствовать желание и кому я принадлежу по закону. Эта мысль мне не нравится.

Мой муж никогда бы не опустил до того, чтобы читать мои сообщения или чтобы доказывать что-то посредством секса и силы. Дэвид совсем не такой, я почти уверена в этом.

– Давай увидимся на праздниках, мы сможем нормально поговорить и решить, – настаивает Бойл, и на моем лице застывает самодовольная улыбка от того, что я так ему необходима. Это неправильно, но я не могу не чувствовать злорадство от того, что теперь он ищет встречи со мной и теперь ему нужно что-то делать, чтобы добиться моего расположения. Это невозможно, но сама мысль, что Фабиану нужно унизиться ради этого, доставляет мне небывалое удовольствие.

– Мы уезжаем на праздники, как и все нормальные люди, что и тебе советую сделать. Просто оставь все в прошлом и не пиши и не звони мне больше, – я почти собираюсь повесить трубку, но что-то заставляет меня дослушать Бойла до конца.

– Я не хочу оставлять, можешь подарить мне лишь один вечер? Я обещаю хорошо себя вести.

Не знаю, что делает меня такой слабой из-за этого мужчины, не знаю даже почему и продолжаю его слушать, но его голос и воспоминания о вчерашнем поцелуе не дают мне бросить трубку, а слова вылетают из меня сами собой:

– Одна встреча. В публичном месте. Я выберу сама. После праздников. Я напишу время и место, – я бросаю трубку прежде, чем успеваю осознать, на что только что согласилась. Сердце бьется как бешеное, и я не верю, что действительно сделаю это. Хотя не уверена, что сделаю. Возможно, это лишь минутный порыв. У меня есть время, чтобы все обдумать.

Я ставлю кружки со свежесваренным кофе, когда слышу, как Дэвид начинает спускаться по лестнице. Я сижу на своем привычном месте за круглым столом и смотрю на лестницу в надежде увидеть Дэвида с улыбкой на лице. Но мой муж спускается с абсолютно отстраненным лицом, уже полностью одетый, для того чтобы выехать по нашему плану. Он безмолвно садится за стол и накладывает себе еду на тарелку, сначала делает глоток апельсинового сока без мякоти, как он любит, и только после этого обращает свой взгляд на меня.

– Тебе лучше поторопиться, впереди долгий день, – я слышу слова, но кажется, его губы даже не шевелятся. Видимо, мой муж все же умеет злиться.

– Я буду готова через полчаса.

Я допиваю свой кофе, стараясь не смотреть на Дэвида, читающего какой-то журнал и не обращающего на меня внимание. Прежде чем встать, я замечаю пролитую каплю кленового сиропа, не знаю, что заставляет меня сделать это, но я погружаю палец в сироп и вывожу аккуратно слова на нашем белом лакированном столе. Дэвид не смотрит на меня. Может, его утреннее поведение, может, разговор с Фабианом, а может, все вместе заставляет меня оставить на столе надпись «Я люблю тебя» и выйти из кухни, оставляя мужа наслаждаться своим гневом в одиночестве.

Я собираюсь достаточно быстро, мне и нужно что только переодеться в привычные джинсы, теплый коричневый свитер в нордическом стиле с оленями и еще чем-то в виде узора, достать любимые зимние меховые ботильоны из шкафа и прихватить теплую безрукавку, мои вещи были собраны еще неделю назад, а сумка со всем необходимым стоит внизу. Я спускаюсь и слышу, как Дэвид на улице хлопает дверью машины, он входит в дом через несколько секунд все такой же мрачный, но едва замечает меня в дверном проеме, подходит и берет в руки мое лицо.

– Прости, – он касается кончика моего носа губами, отчего на лице появляется улыбка, – спасибо. Я очень люблю тебя.

Я не могу сказать и слова, поэтому остается лишь улыбаться. Не знаю, почему мне гораздо проще было написать ему эти слова на столе сиропом, а не сказать вслух. Может, пока я не сказала это громко, еще есть шанс дать заднюю, хотя я и не хочу этого. Но мне почему-то кажется сложным произнести эти слова прямо в лицо Дэвиду. Я совсем не хочу думать о том, что, воз-

можно, это неправда и я лишь убеждаю себя в этом, ведь на самом деле какие-то чувства я испытываю к этому мужчине.

– Я почти все погрузил в машину, можем выдвигаться. Если поторопимся, то успеем без пробок добраться до Уичито, а там уже будет рукой подать до твоего отца. Надеюсь, успеем добраться до полуночи.

– А подарки загрузил?

У предусмотрительного Дэвида есть специальный список дел перед тем, как отправиться в путь, что кажется немного странным или слишком предусмотрительным. Я, конечно, люблю все планировать и держать под контролем, но не до такой степени.

– Конечно, осталась лишь твоя сумка, и можно выдвигаться.

– Хорошо.

Я киваю и передаю мужу свою дорожную сумку, которая, кажется, была подарена мне в прошлой жизни, кто же знал, что она может мне пригодиться в этой новой, без Фабиана и моей привычной старой жизни, связанной с авиацией. Дэвид скрывается за дверью, и я выпускаю весь воздух из легких, стараюсь взять себя в руки, но почему-то думаю о Фабиане и нашем разговоре. Мне не стоило обещать ему встречу, потому что она не может состояться. Я не должна хотеть увидеться с ним. Я просто не могу так поступить с Дэвидом. Но ведь это всего лишь ужин старых коллег, ведь мой муж ничего не знает о том, что было между нами с Фабианом. Не знает ведь?

Я достаю телефон из заднего кармана и пробегаюсь глазами по сообщениям, что оставил Фабиан на моем телефоне. Пять смс и одно сообщение, упавшее в голосовую почту. В них нет ничего особенного, но я ведь знаю, что скрывается за ними, знаю тайный смысл. Мои руки дрожат, едва я открываю сообщение голосовой почты и подношу телефон к уху.

Фабиан: Алиса, разреши мне увидеть тебя еще раз. Не могу выкинуть из головы этот поцелуй. Если ты не согласишься, мне придется заставить тебя, не уверен, что ты хочешь пожертвовать своей семейной жизнью ради того, чтобы не видеться со мной.

Его голос звучит так жестко, а слова жестоко. Я знаю, что он не посмел бы рисковать моим браком. Или посмел бы? В любом случае я уже приняла решение. Если я не сделаю этого, буду жалеть всю оставшуюся жизнь. Мне всего лишь надо поставить точку в этих отношениях. Завершить для себя эту историю. Я убеждаю себя в этом, в то время как набираю сообщение для Фабиана.

Алиса: увидимся 29-го в 17:00 в «Марчеллис», столик будет забронирован на моё имя.

Сухо и по делу, я хвалю себя, хотя и не должна бы.

– Все готово, пора выезжать. Впереди 12 часов пути, – голос Дэвида возвращает меня в наш дом, а улыбка становится уколом моей совести. Но что сделано, то сделано, впереди неделя с моей семьей, и значит, надо погрузиться в эту рутинную часть своей жизни. Я ею могу наслаждаться, я надеюсь, что могу.

Я киваю Дэвиду и поспешно убираю телефон в свою сумку через плечо. Осматриваю дом, будто покидаю его надолго, а не всего лишь на неделю. Но я очень привыкла к нашей счастливой жизни в этом доме, к тому, как мы просыпаемся вместе и завтракаем, как расходимся каждый на свою работу, а вечером встречаемся и обсуждаем события за день. «Это моя жизнь, и она мне нравится», – это то, что я говорю себе каждый день, и уже почти верю в сказанное.

Мы выходим из дома, и Дэвид закрывает дверь на ключ, он, как и всегда, открывает мне дверь моей новой машины и садится за руль. Следит за тем, чтобы я пристегнулась. Я же слежу за тем, как он прокручивает в голове весь составленный список дел перед отъездом и, убедившись, что сделал все, улыбается своему отражению и выезжает с подъездной дорожки. Впереди 750 миль пути, мы несколько раз подменим друг друга за рулем, остановимся на обед и легкий ужин на трассе в каком-нибудь симпатичном месте и насладимся легкими беседами, затем в девять часов Дэвид позвонит моему отцу, чтобы сообщить, что нам осталось не больше

100 миль и что с нами все хорошо. К 11 мы зарулим к небольшому дому на широкой улице, где я выросла, и так начнутся самые длинные праздники в моей жизни. Наши первые семейные праздники.

Рано утром я открываю глаза и осматриваю свою детскую комнату. Отец предусмотрительно купил кровать побольше, чтобы мы с Дэвидом могли уместиться и хорошо выспаться. Мой муж в привычной позе на правой стороне кровати видит сладкие сны, я удивляюсь его способности не просыпаться от яркого солнца, проникающего в комнату сквозь небольшое окно.

Я привычно выскальзываю из-под одеяла и прикрываю дверь за собой, чтобы не разбудить мужа. Часы на первом этаже на кухне показывают начало седьмого. Даже для меня это рано. Весь дом еще спит. Папа и Люси в своей комнате на втором этаже, а Ева с Адамом в гостевой на первом. В первый раз с того момента, как мы выехали из Денвера, я достаю свой телефон из сумки и вижу новую порцию сообщений от Фабиана, но не читаю их. Это, наверное, звучит неразумно, но я не могу читать его слова в доме моих родителей, это уже как-то совсем неправильно. Будто предаю сразу всю семью, читая эти слова. Поэтому я надеваю любимые угги на ноги, заправляю свои штаны, что висели на вешалке в ванной на первом этаже, сверху натягиваю шерстяной кардиган и выскальзываю из двери, оказываясь на улице. Мои глаза расширяются. Вся лужайка перед домом, все деревья и вся улица устланы белым покрывалом из снега. Я давно не видела снега в здешних краях, обычно температура едва опускается ниже минус двух градусов, поэтому если снег и идет, то успевает растаять за ночь. Но телефон сообщает мне, что температура опустилась до минут шести, а значит, снег не растает сегодня точно. Улыбка от этого вида застывает на лице, и я почти забываю о том, зачем вышла из дома, но телефон вибрирует в кармане, и я достаю его вновь.

Фабиан: Я буду ждать, Алиса.

Вполне безобидное начало.

Фабиан: Надень что-нибудь, что не будет отвлекать внимание от твоего красивого лица.

Это уже хуже, но я улыбаюсь тому, что он называет меня красивой. За последние дни он сказал это больше раз, чем за все время, что мы работали вместе.

Фабиан: Хотя нет, надень то, что я с легкостью смогу с тебя снять после ужина.

Я чувствую, как покрываюсь краской. Это всего лишь его слова и его желания. Я ни за что не стану отвечать на подобного рода сообщения. Что бы ни происходило, у этого уже вышел срок давности. Для нас с Фабианом давно уже все осталось в прошлом.

Последнее сообщение я боюсь открывать, оно пришло минутой раньше, и я уже не знаю, что могу прочесть в своем телефоне.

Фабиан: Я все еще чувствую твои губы на моих. Надеюсь, у меня хватит терпения, чтобы дождаться того, как я почувствую твой вкус на языке.

По спине пробегает странная волна, и я не хочу признаваться в том, что этот текст заводит меня сильнее, чем что-либо за последние полгода.

Дверь позади хлопает, и телефон едва не вылетает из моих рук, как только я слышу голос моего отца.

– Ты так рано встала, дорогая.

Он стоит на верхней ступеньке и смотрит на меня. Надеюсь, что по моему лицу не видно, что я только что читала, поспешно убираю телефон в карман и улыбаюсь папе.

– Да, увидела, что выпал снег и решила почистить дорожки, – это звучит вполне правдоподобно.

– Я все сделаю сам после завтрака, вы же приехали отдыхать, – смеется папа, кутаясь в легкий кардиган. Он точно не ожидал, что температура так резко упадет.

– Ничего страшного, я люблю этим заниматься, а ты пока займись завтраком, – прерываю я отца прежде, чем он убедит меня в том, что способен сделать все самостоятельно. Я в этом несколько не сомневаюсь, но это всегда было моей работой до того момента, как я съехала из дома.

После смерти мамы нам необходимо было как-то справляться вдвоем, и пришлось поделить обязанности. Я занималась газоном и дорожками зимой, а отец взял на себя заботу о машинах и гараже, его задача всегда была ездить за продуктами, а моя готовить еду, хотя у меня и не особенно хорошо получалось. У нас зато отлично получилось разделить заботу о доме на двоих и поддерживать его, до того как у отца появилась Люси и я смогла спокойно оставить их наедине друг с другом без зазрения совести, ну почти.

Папа улыбается и в знак согласия кивает, он скрывается за дверью, и едва она закрывается за ним, я достаю телефон и удаляю все сообщения от Фабиана, по телу пробегают мурашки, едва я вновь пробегаюсь глазами по тексту сообщений. Не уверена, что хочу отвечать ему, поэтому убираю телефон снова и отправляюсь к гаражу за лопатой для очистки дорожек.

Я тружусь не больше часа, тщательно убирая дорожки сначала лопатой, а затем подметаю остатки снега так, чтобы можно было видеть красивый узор плитки. Я так увлекаюсь, что не замечаю того, как из двери выходит Дэвид и направляется ко мне. Только после того, как он заставляет мои руки перестать двигаться, схватив метелку, я наконец останавливаюсь и смотрю на мужа.

– Привет, – как-то нерешительно говорит он, будто отвлек меня от чего-то важного, и проводит свободной рукой по волосам.

– Привет.

– Завтрак уже готов, может, остановишься, и мы наконец позавтракаем всей семьей? – его голос звучит чуть суровее, чем обычно, но, думаю, это из-за того, что они устали меня ждать.

Я киваю в знак согласия, и мы вместе убираем лопату и метелку в гараж и отправляемся в дом.

– Мне нужно десять минут, чтобы принять душ, и я приду к вам, – говорю я всем, кто собрался в гостиной, и бегом поднимаюсь по лестнице.

Дверь позади меня скрипит, как и всегда в этом доме, и я оборачиваюсь с задернутой вверх майкой. В дверях ванной стоит Дэвид и с любопытством меня рассматривает.

– Я быстро приму душ и спущусь, – повторяю я сказанные пару минут назад слова и стягиваю футболку с головы.

– Мне не понравилось то, что я проснулся сегодня один. Опять, – он закрывает за собой дверь и делает шаг ко мне. Почему-то он выглядит устрашающе со всклокоченными светлыми волосами, торчащими в разные стороны, черной футболкой с V-образным вырезом, так что видно начало его татуировки в низко опущенных синих джинсах.

– Я просто рано проснулась и хотела помочь отцу, – зачем-то оправдываюсь я, хотя понимаю, что это слишком глупо. Я не сделала ничего плохого.

– У нас каникулы, и мы должны наслаждаться этим, а не работать ранним утром во дворе. Мы должны просыпаться вместе, засыпать вместе. Мы должны были заняться сексом утром.

Он говорит это с таким серьезным видом, что я задумываюсь, вдруг он говорит это серьезно?

– Ты слышишь себя? – я стараюсь говорить нормально, но слышу, как голос начинает срывать. – Кому мы должны? Я ничего не должна и тем более не должна была просыпаться точно по времени, чтобы так же точно по времени заняться с тобой сексом. Это какой-то бред, – я встряхиваю головой в надежде, что мне это снится или что Дэвид хотя бы понимает, что говорит какой-то бред. Я разворачиваюсь от него, стягиваю штаны, бросая их в корзину с грязным бельем. Я вся вспотела от работы на улице, так что придется эти вещи постирать, носить их невозможно с этим запахом моего пота от проделанной работы. Я остаюсь в одном лифчике

и трусах и, не смотря на Дэвида, расстегиваю белье сзади и также бросаю в корзину. Стягиваю трусы, и они отправляются туда же. Мне не стыдно оставаться перед ним обнаженной, не думаю, что он увидит что-то новое. За полгода я стала более уверенная в своей внешности, и мне правда иногда нравится смотреть, как он скользит по моему телу взглядом. Прямо как сейчас. Его глаза вновь потемнели, и несмотря на морщину на его лбу от гнева, я вижу его желание на лице невооруженным взглядом.

– Ты должна, Алиса, должна мне. Мы не занимались любовью уже почти неделю, это ненормально. Вчера твой идиотский телефон испортил все, и мне пришлось заканчивать одному в душе. Это нехорошо для супружеской пары, что муж занимается самоудовлетворением в душе.

– Кто в этом виноват? Ты сам ушел. Я не заставляла тебя и была готова, но ты отвлекся на телефон, который вообще тут ни при чем.

– Ты должна сама понимать, я не должен говорить, что мне нужен секс с моей женой.

– Я тут, вот твоя жена, стою перед тобой абсолютно обнаженная, бери меня, в чем проблема? – моя руки упираются в бока, и я с вызовом смотрю на Дэвида, который, кажется, не ожидал от меня такого напора и таких слов. Это вызывает у меня некоторое удовольствие, но едва он касается взглядом моего тела, а затем просто переводит его на лицо, я понимаю, что и этот момент упущен.

– Так это не делается, Алиса.

– А как делается? Если люди хотят друг друга, все равно где и как, главное – получить удовольствие, – я почти срываюсь на крик, но понимаю, что это бесполезно. Его не переубедить. Поэтому достаю из ящика белое махровое полотенце и кладу на раковину. Ставлю одну ногу в ванную и оборачиваюсь на Дэвида, застывшего в дверях.

– Если ты не собираешься ко мне присоединиться, то я спущусь через несколько минут, закрой за собой дверь.

Я вижу, как шевелятся шестеренки в его голове, стараюсь принять решение. Но знаю, что оно будет не в мою пользу. Я залезаю в ванную и включаю горячую воду, кажется, только она способна сейчас смыть с меня этот налет жалости к себе. Слышу, как дверь хлопнула за Дэвидом, и мне почему-то становится легче без его присутствия совсем рядом.

Мы не ругаемся обычно. Но кажется, что все пошло в какую-то неправильную сторону. Наверное, мне хотелось бы винить во всем Фабиана и его неожиданное появление в моей жизни, но на самом деле все идет не так уже месяц, с тех пор как я стала гораздо больше времени проводить на моей новой работе и пропадать по вечерам, которые были для нас с Дэвидом так важны. Мы перестали разговаривать, и это сказывается на наших отношениях. Я должна что-то сделать, чтобы этого не произошло.

Довольно быстро принимаю душ, вытираюсь и надеваю чистое, свежее белье, любимые серые спортивные штаны и старую футболку, которую обожала носить в старших классах. Завязываю в хвост мокрые волосы и спускаюсь на кухню, где все уже собрались и ждут меня.

– Доброе утро!

Все здороваются почти хором со мной. Я сажусь рядом с мрачным Дэвидом, но это не моя проблема, что он не может понять, что он хочет: меня или чтобы все было правильно и как написано в книжках.

– Какие планы? – спрашиваю я, делая первый глоток кофе.

– У нас расписаны все дни вашего пребывания дома. Впереди покупка елки, рождественский ужин, рождественская ярмарка, катание на коньках – и это только малый список того, что мы будем делать, – перечисляет мой отец, и единственное, что остается, это улыбнуться в ответ и показать, как я воодушевлена его планами, расписанными чуть ли не поминутно.

Я хотела отдохнуть в эти небольшие каникулы, но, видимо, мне это не светит. Все принимаются обсуждать предстоящие дни и праздники, я же смотрю на угрюмого Дэвида и убеждаю себя, что это не будет так мучительно – провести здесь всего неделю. Мы продержимся.

Когда я убеждаю себя, что смогу убедить Дэвида, что все нормально, и пережить праздники как взрослый человек, мой телефон сообщает об очередном сообщении, я достаю его и стараюсь незаметно от всех прочесть сообщение, которое лишает меня дыхания на пару секунд и почти заставляет почувствовать себя виноватой перед своим мужем.

Фабиан: Ты можешь не отвечать мне. Но за эти дни ты прочитаешь все то, что я хочу сделать с тобой. И к моменту нашей встречи ты уже будешь настолько влажная и разгоряченная, что не сможешь отказать себе в желании испытать силу моего желания.

Глава 3

Кажется, это была самая долгая неделя за всю мою жизнь. В голове крутилось столько мыслей, столько противоречий, что я не могла принять никакое решение относительно своей жизни. Даже мой выключенный на все праздники телефон, говоривший Дэвиду о том, что я очень послушная жена, которая хочет быть его достойна, а мне твердивший о том, что еще несколько дней, часов, минут, и я могу совершить грехопадение, о котором, возможно, не буду сожалеть, но это маловероятно. Я сознательно отключила мобильный, чтобы не видеть и не слышать Фабиана, чтобы не иметь возможности передумать или, напротив, убедиться в правильности моего решения. Но это мне совсем не помогало. Я лишь больше утопала в самобичевании относительно того, что хорошие жены не пишут своим бывшим начальникам о месте и времени встречи, хорошие жены не получают сообщения интимного характера и не должны приходить в восторг от этой грязи, но я прихожу. Не знаю почему, возможно, у нас с Дэвидом не все так хорошо, как я думаю, а возможно все дело всего лишь в Фабиане. Я не знаю, что должно произойти чтобы этот мужчина наконец ушел из моей головы, души, сердца и жизни, да и есть ли поступок, который заставит его сделать это? Хотя я вообще сомневаюсь, что это все его вина. Думаю, основная проблема кроется во мне, я просто не могу заставить себя не думать о нем.

И вот я сижу в маленьком кафе напротив ресторана, в котором мы должны встретиться через полчаса, и замороженно смотрю на дверь, думая, придет ли он, стоит ли идти мне? Кажется, я думала об этом всю неделю, но так и не могу принять правильного решения. Хотя есть ли оно вообще? Единственное, что меня убедило дойти хотя бы до кофейни, – это то, что я, возможно, пожалею о том, что не буду знать, пришел ли он. Мне остается лишь проводить пальцем по кромке большой кружки с кофе и смотреть через окно на дверь ресторана, который может оказаться моим личным адом.

Сегодня утром я, как никогда, старалась выглядеть неестественно хорошо, даже мой муж, который редко отмечает изменения в моем внешнем образе, обратил свой взор на меня и отметил перемены, которые так и не смог обратить в слова, для него стало естественным эмоции передавать через легкий поцелуй в нос или лоб, будто мой покровитель, а не муж. Тем самым он говорил, что любит, во всяком случае я хочу верить, что он говорит именно это, а не то, что между нами нет никакой страсти и желания. Сегодня я так старалась выглядеть лучше, чем я есть, что, кажется, немного перестаралась. На мне бежевые брюки с завышенной талией, белый укороченный свитер, открывающий тонкую полоску голого живота, сверху меховое пальто, а на ногах бежевые в тон брюкам замшевые полусапожки на шпильке. Я даже себе кажусь неестественно элегантной и, возможно, слишком взрослой. Но я в своих собственных глазах стала гораздо старше и, возможно, мудрее после работы с Фабианом Бойлом. Я больше не та импульсивная девчонка, которой была, и больше не даю своим чувствам вырываться наружу в неподходящее время и месте.

Интересно, эта девушка, такая влюбленная и в своих счастливых розовых очках, ушла в ту ночь, когда Фабиан разбил мне сердце в Венеции, или она исчезла на свадьбе, когда я произнесла заветные слова «согласна»?

Я обернулась к официанту, чтобы попросить счет, кажется, моё внутреннее я подсказало мне решение – уйти и не давать себе повода менять свою жизнь с ног на голову, когда она только встала на такие удобные бесшумные рельсы. Но, кажется, мой внутренней голос не общается с моим сердцем, потому что едва к ресторану подошел Фабиан, мой взгляд устремился на него. Не знаю, как описать свои чувства, не представляю, как можно переживать эти эмоции раз за разом, но кажется, моё сердце никогда не переставало биться ради этого мужчины. Все мои внутренности сжались в тугий узел, едва я увидела, как его рука коснулась ручки двери

и он потянул её на себя, чтобы войти в темное помещение, которое обязательно станет моей преисподней. Я приняла противоположное решение за всего одну секунду. Моя душа рвалась к нему, хоть и я хотела бы, чтобы это было не так. Я почувствовала, как у меня участился пульс от одной мысли о нахождении рядом с ним и о том, что я буду снова смотреть в его глаза. Вот оно, то самое решение, о котором я так мечтала. Плевать на последствия, я должна это сделать.

Путь через дорогу стал для меня не менее долгим, чем вся прошедшая неделя, и несмотря на то, что теперь я твердо понимаю, как хочу поступить, все равно не могу заставлять себя идти быстрее, меня скрутило от эмоций так, что это причиняло физическую боль. Я, кажется, потеряла дар речи и даже перестала думать, мои мысли пролетали в голове с такой скоростью, что я просто не успеваю ни за одну из них схватиться.

Я рванула ручку двери на себя и оказалась в темноте ресторана. Воздух покинул мои легкие, едва черные глаза Фабиана обрушились на моё лицо. Мне удалось лишь с трудом сглотнуть и передать пальто в гардеробной. Этот взгляд манил меня будто на свет, я шла как привязанная за мужчиной, что, кажется, навсегда приковал к себе моё внимание. Я должна найти в себе силы сопротивляться, я должна вспомнить всю ту боль, что он мне причинил. Я просто обязана не давать ему шанса снова изменить и разрушить мою жизнь окончательно, обратно я уже не смогу её собрать из этих осколков.

– Ты пунктуальна, как всегда, – его улыбка почти заставила меня улыбнуться в ответ, но я приложила все силы, что у меня были, чтобы лишь кивнуть в ответ.

Фабиан поднялся со своего места и отодвинул мне стул. Как всегда, деликатен и предусмотрителен. Я должна вспомнить о том, что он такой со всеми, я не особенная для него. Я нисколько не отличаюсь от его других женщин. Я обычная, такая же как и все, он ничем меня не выделяет.

– Что будешь пить?

– Водку с мартини, – как-то глухо получилось сказать у меня. Мой голос предательски дрожал, хотя и не должен был, я обещала себе держать себя в руках и не выдавать своих настоящих чувств.

– Водку с мартини, пожалуйста, и скотч безо льда, – Фабиан дал указания официанту, и он тут же скрылся, оставляя нас наедине.

– Прекрасно выглядишь.

– Спасибо.

Все это выглядит так неловко. Я не знаю почему, но чувствую себя в его присутствии маленькой неопытной девочкой, но это так. Я будто осталась с директором школы один на один и теперь не имею представления, как вести себя рядом с ним, ведь он может сделать с моей жизнью все что угодно. Но это ведь всего лишь Фабиан. Тот мужчина, которого я боготворила, он всего лишь мой бывший начальник, между нами ничего не было, и я не должна чувствовать себя неловко или неправильно. Никто не знает о том, что происходило, я не уверена, что и мы с ним понимаем, что это такое было.

Я хватаюсь за появившийся на столе напиток как за спасательный круг и выпиваю почти половину всего одним глотком, но алкоголь – это единственное, что сейчас способно заставить меня разговаривать с ним нормально, без этого ужасного комка внутри моего желудка.

– Вот мы и увиделись. Зачем? – мой взгляд обращен на Фабиана, будто я снова пытаюсь пробраться к нему в голову, хотя я давно потеряла надежду на то, что смогу когда-нибудь понять этого мужчину и прочитать его мысли.

– Я уже говорил, хочу, чтобы ты вернулась в мою жизнь.

– Зачем? У нас абсолютно разные жизни, и тебе не место в моей, и я никогда не захочу быть в твоей, впрочем, мне и так там не место.

– Ничего не изменилось, Алиса. Я не хотел тебя отпускать тогда и не хочу этого и сейчас. Эти полгода были лишь для того, чтобы ты убедилась, что я никуда не денусь из твоих мыслей.

– Ты заблуждаешься, я не думала о тебе все это время, – вру я бесстыдно, хотя и понимаю, что Фабиан никогда мне не поверит.

Впрочем, это не совсем ложь, хотя и не совсем правда. Я не думала о нем каждый день или каждую минуту, лишь изредка возвращалась мыслями к тому, как мы с ним проводили время и какие эмоции меня посещали в его присутствии, я боялась его встретить в аэропорту, но снова и снова надеялась, что это все же произойдет. Я скучала по его черным глазам и по его полуулыбке, но ему не обязательно это знать, особенно когда мы оба состоим в браке с абсолютно другими людьми.

– Ты опять врешь, Алиса. Хотя я уже миллион раз просил не делать этого, ты все равно делаешь это бездарно.

– Знаешь, – я откидываюсь на спинку кресла и делаю глоток своего мартини, стараясь набраться храбрости, – я лишь прокручивала в голове каждый день, проведенный с тобой. Раз за разом я думала о том, что говорила и как действовала, смотрела на свои поступки со стороны и задавала лишь один вопрос: почему ты не любил меня, хотя это было единственное, о чем я просила? Черт, я до сих пор не знаю ответа, и именно поэтому я здесь. Почему ты не смог полюбить меня?

– Я любил тебя. Я люблю тебя сейчас.

– Чушь, боже, Фабиан, не обманывай хотя бы себя. Я думаю, что знаю ответ на этот и множество других вопросов, что застряли с моей голове. Ты никогда не любил, потому что просто я не то, что тебе нужно. Это не моя вина и точно не твоя. Но любящие люди не делают того, что ты делал со мной.

– Господи, что я такого сделал с тобой, Алиса? Ты убила нашу любовь, когда вышла замуж, не вини во всем меня.

Его глаза стали еще более черными, если это было вообще возможно. Волосы растрепались от резкости сказанных им слов, а руки непроизвольно сжались в кулаки. Я видела и раньше эти признаки, но если тогда они меня пугали, то сейчас я думаю, что это всего лишь повод вывести меня на эмоции, хоть какие-нибудь.

– А ты думал, это так просто? Пришел, сказал, что любишь, и я тут же отменила свадьбу и сбежала с тобой? Так люди не поступают, Фабиан, не в жизни, возможно, только в кино, – я допиваю свой бокал и подаю знак официанту обновить. Мне точно необходимо выпить, чтобы продолжать находиться рядом с этим мужчиной.

– Черт, – его кулак с силой ударяется о стол, и Фабиан указывает на меня, – это ты все разрушила, не надо валить на меня. Я приехал к тебе до свадьбы и просил лишь признать очевидное. Я сказал признаться в том, что ты вся: твои мысли, чувства, эмоции и желания – все это принадлежит мне. Тебе оставалось лишь отдать мне сердце и тело, но ты слишком гордая, чтобы признать очевидное, и теперь мы страдаем из-за тебя.

– Я не страдаю, Фабиан, с чего ты вообще это взял? – я поправляю выбившиеся из идеальной прически волосы и кидаю на Бойла полный презрения взгляд. – Я счастлива, видимо, в отличие от тебя, – не знаю почему, но мне нравится чувствовать это превосходство над ним.

– Господи, ты продолжаешь лгать. Ты живешь во лжи. Ты стала степфордской женой, не узнаю в этой женщине Алису, которую полюбил. Кто ты вообще?

Кажется, я добилась того, что вывела Фабиана Бойла из себя и поставила его в тупик. Да, возможно, я изменилась, да, теперь я выгляжу и веду себя иначе, но это не значит, что та девушка навсегда исчезла. Это лишь значит, что он навсегда её упустил от себя и на её место пришла лучшая версия того, кем я могу быть. Именно Фабиан сделал меня такой, и никто больше. Он разбил моё сердце на маленькие кусочки, и мне пришлось собирать его как хрустальную вазу, и да, возможно, пара кусочков навсегда утеряна, и да, возможно, без этих кусочков я стала совсем другим человеком.

– Думай что хочешь, я не обязана оправдываться. Я пришла, лишь чтобы доказать себе, что могу находиться в твоём обществе и ничего не чувствовать.

Едва официант поставил на стол мой обновленный martini, я одним глотком выпиваю все содержимое и встаю из-за стола. Для меня этот разговор закончен. Больше я не дам себе возможности быть слабой, точно не рядом с Фабианом. Единственное, что он теперь может от меня ждать, это полного игнорирования. Я не думала, что наша беседа будет именно такой, но я рада, что могу поставить точку в этих напряженных отношениях. Если их вообще можно так назвать. Я никогда не смогу его ненавидеть, даже если и хочу, никогда не буду презирать или избегать. Фабиан стал важной и большой частью моей жизни, он преподал мне урок, и хотя бы за это я всегда буду ему благодарна. Но нам пора двигаться дальше.

– Можешь не провожать, привет жене, – бросаю через плечо я и, выхватив из рук гардеробщика свое пальто, накидываю его на плечи и выскальзываю на улицу.

Дверь позади меня с шумом хлопает, отчего я будто прихожу в себя.

Вот я такая. Стою одна посреди города. Одна. Не знаю, разочаровывает ли меня то, что Бойл не пошел за мной, или я должна была этого ожидать, не знаю даже, хотела бы я, чтобы он пошел за мной. Но я определенно что-то чувствую, и это меня даже радует. Кажется, я все еще умею делать это. Чувствовать.

Я медленно иду по улице и, только отойдя достаточно далеко от ресторана, понимаю, что по моим щекам текут теплые соленые капли. Не думала, что буду плакать. Не знаю даже, почему делаю это, но слезы очищают, даже если ты не знаешь их причину. Я достаю из кармана пальто свой телефон и проверяю сообщения. Всего одно. От Дэвида.

Дэвид: Жду тебя дома, сегодня вечер большого кино. Люблю.

Не успеваю нажать «удалить», как телефон падает из рук на асфальт, и я только и слышу, как разбивается стекло и как руку что-то с силой сжимает так, что я пишу от боли и разворачиваюсь на того, кто причиняет мне боль, хотя и так знаю, кто это.

– Я не разрешал тебе уходить.

– Я уже не подчиняюсь тебе, Фабиан.

Он притягивает меня к себе так, что я падаю ему на грудь и оказываюсь зажатой в его руках.

– Принадлежишь и всегда будешь. Кем бы ты сейчас ни была, я люблю и её тоже. Ты Алиса Грин, и я люблю тебя любой. Ты моя была, есть и будешь. И вечность гореть нам в аду за эти чувства.

Я не понимаю, что происходит, потому что лишь чувствую, как его губы низвергнулись на мои и я теряю контроль над ситуацией, жизнью, эмоциями и тем, что происходит. Я растворяюсь в тот самый момент, как почувствовала его вкус на своих губах и утонула в водовороте своей любви к этому мужчине. Его губы жесткие и нетерпеливые, он поглощает меня и выпивает, будто я единственный источник его силы. Он прижимается ко мне, так что мне немного больно от его напора и ноги подкашиваются от величины его чувств. Его руки сжимают волосы и натягивают так, что я вскрикиваю от боли, и именно в эту секунду его язык скользит ко мне в рот и поглощает меня глубже. Мне больно и в то же время слишком хорошо, я не имею достаточно власти, чтобы остановить эту попытку, ведь, кажется, я люблю эту боль, что он мне причиняет. Возможно, эти разбитые куски не потерялись, а навсегда остались у него, и я просто не могу существовать без этого мужчины, потому что он навсегда забрал частички чего-то важного из моей жизни и теперь мы связаны всегда. Фабиан выпускает меня из своей хватки, и я наконец могу сделать вдох и почувствовать землю под ногами.

– Мы найдем путь обратно, вдвоем. Я это понял, просто дам тебе еще немного времени, чтобы и ты поняла это.

Фабриан поднимает мой разбившийся телефон и прячет к себе в карман пальто. Он смотрит на меня так, что у меня вновь подкашиваются ноги, и улыбается той самой улыбкой, которую я так люблю.

– До встречи, Алиса. Обещаю, я не заставлю тебя долго её ждать, – он разворачивается и скрывается в толпе так, будто только что он снова не разрушил мою жизнь. Но где-то в глубине я надеюсь, что он сдержит обещание и мы правда найдем путь обратно вдвоем. Я очень этого хочу.

Я не помню, как дошла до дома, но, кажется, прошло не меньше пары часов, прежде чем я наконец вставила ключ в замочную скважину моего убежища. Хотя я и сомневаюсь, что сегодня эта квартира способна подарить мне успокоение. Я чувствовала себя грязной и отвратительной, никчемной и неправильной, в последний раз я ощущала себя подобным образом после изнасилования, и вот я снова примерно в тех же самых ощущения, тону и задыхаюсь от того, что не знаю, как справиться с этим. Я ужасный, отвратительный человек. Я неверная жена, абсолютно недостойная Дэвида, и мне точно уготован специальный котел в аду из-за того, какие мысли меня посещали всю дорогу до дома.

Ключи ударились о вазу, и звон раздался в моих ушах с оглушающей силой. Вот она, моя реальная жизнь; и только такой она должна быть. Наш уютный большой дом, наша идеальная жизнь семейной пары и наше удивительное взаимопонимание, даже без слов мы легко угадываем мысли друг друга. О таком мечтают миллионы пар, тогда почему я не могу смириться с тем, что это восхитительно, и успокоиться? Нет, я лишь чувствую, что этого всего мне слишком мало.

– Ты сегодня поздно. Все хорошо?

В дверном проеме показался Дэвид в привычном уже голубом фартуке поверх его серой футболки и черных спортивных штанов, он, как всегда, босиком, ненавидит домашнюю обувь, впрочем как и носки. Его челка падает на глаза, такие мною любимые. Вот, правильное слово. Я люблю Дэвида, я действительно люблю его, и это такое правильное чувство. Это то, что должно быть у нормальных людей, и я должна цепляться за это чувство, оно и только оно способно подарить мир моей душе.

Я улыбаюсь и стягиваю объемное пальто, закидывая его на вешалку и упираюсь в стену рукой, чтобы сохранять равновесие, в то время как снимаю с себя ботильоны.

– Да, накопилось много работы за праздники. Буду готовить новый курс по «Человеческому фактору» в авиации. Круто, да? – я знаю, как горят мои глаза в то время, когда я говорю о работе, и знаю, как не нравится это Дэвиду, но он делает все возможное, чтобы не показать мне своего настоящего отношения к моей занятости.

– Да, – бубнит он себе под нос и возвращается на кухню.

Я медленно двигаюсь по коридору за ним, улавливая вкусные запахи, так что желудок сжимается, напоминая, что я так и не успела поест сегодня. Это стало такой странной и неправильной привычкой, которая лишь ухудшает моё здоровье, но я так погружаюсь в работу, а сегодня в свои переживания, что буквально кусок не лезет в горло. Но только не теперь, когда я вижу, как на плите закипает вода с пастой феттучини, а в сковородке рядом шипит сливочный соус с грибами и ветчиной – это фирменное блюдо Дэвида, которое он готовит всякий раз, когда расстроен и меня ждет впереди серьезный разговор. Но сегодня я почему-то не боюсь его, а даже рада и благодарна Дэвиду за его желание быть со мной и выстраивать наши отношения.

– Пахнет восхитительно.

Я подхожу к мужчине сзади, обнимаю, утыкаясь носом в его шею и вдыхая его чувственный аромат. Мой муж замирает на месте, видимо пытаясь привыкнуть к этим ощущениям. Я не так часто показываю ему свою привязанность и благодарность за эти отношения, также я не стремлюсь обнимать его, когда этого не требует случай. С ним я почему-то и правда стала степфордской женой, потеряв настоящую Алису за этой маской правильной супруги.

– Иди переоденься и помой руки, я налью тебе вина и будем ужинать, – его голос пусть и звучит мягко, я все равно чувствую, как он напряжен под моими руками и как сложно ему сейчас держать себя в руках. Если бы Дэвид только знал, что его проблема совсем не моя работа, а того мужчины, что сейчас пытается ворваться в нашу такую привычную жизнь и разрушить её, а я, кажется, поддаюсь на его уговоры, хотя и не должна.

Мои руки падают вдоль тела, и я ухожу в нашу спальню, так и не увидев лица своего мужа, впрочем, я и так знаю, какое выражение застыло на нем.

Я прикрываю за собой дверь спальни и падаю поперек кровати, пытаюсь разобраться в собственной голове за те считанные минуты, что дал мне мой муж. Я всматриваюсь в серый потолок, пытаюсь осознать, как все зашло так далеко и насколько неправильно я себя веду. Удивительно, но меня совсем не мучила совесть в тот момент, когда я входила в ресторан, впрочем, она меня не мучила и во время поцелуя Фабиана, и лишь её крупницы пришли в моё сознание, едва я переступила порог нашего с Дэвидом дома, но и тут её следы очень быстро исчезли, как только голос мужа проник глубоко в меня.

Я открыла глаза и осмотрела нашу спальню. Раньше я всегда считала, что спальня – отражение твоего я и через эту комнату возможно показать, каким ты являешься человеком. Когда я жила дома с отцом, моя комната была светло-голубой, с милыми плюшевыми игрушками и с разбросанными повсюду книгами и журналами. Затем с Евой наша квартира была отражением нашего внутреннего состояния – свободы духа, а моя спальня показывала всю мою любовь к ней и моей работе в авиации. Сейчас же, осматривая эту спальню, я понимаю, что не знаю, кто здесь живет. Большая белая кровать с высоким изголовьем, на которой я сейчас лежала, стояла у стены, отделанной деревянными панелями. Возле каждой стороны стоят небольшие серые прикроватные тумбочки, над каждой из них большое овальное зеркало. На другой стороне стоят два белых кресла с серыми подушками в тон стенам и полу нашей комнаты, между ними небольшой столик, а прямо напротив большой телевизор, который мы смотрим в наши «вечера кино». Если бы я не жила в этой спальне, то подумала, что это комната пожилой супружеской пары. Нет, она не то чтобы мне не нравится. Просто здесь не хватает красок и цвета, впрочем как и в нашей жизни с Дэвидом.

– Алиса, ужин накрыт. Ты еще долго?

Голос Дэвида вывел меня из размышлений, и я подскочила на кровати.

– Уже все, – крикнула в ответ я, хотя еще даже не переоделась. Я быстро скидываю с себя вещи и замираю возле шкафа. Если бы не сегодняшний день, то я надела бы привычную одежду хорошей жены, но почему-то сейчас я решила побыть немного собой. Ведь именно это заставило жениться на мне Дэвида, почему я думаю, что если он увидит меня настоящую, то сразу поймет, что я не та, что ему нужна?

Я быстро натягиваю бежевые легинсы, белую майку и сверху накидываю кардиган в тон, остаюсь босиком, потому что в нашем доме тепло, наконец заработал термостат. Провожу расческой по волосам и, рассматривая себя в зеркале, поправляю не смытый макияж. Я такая, какая есть, и Дэвиду придется посмотреть в глаза правде, а мне придется смириться с тем, что он уже видел меня настоящей, а я все равно не смогу долго скрываться за маской идеальности.

Входя на кухню, чувствую, как взгляд Дэвида проходится по мне, но он не говорит и слова, лишь отодвигает стул, помогая мне сесть возле стола, и садится напротив.

Отчего-то я чувствую себя немного неловко. Будто это наш первый подобный ужин, хотя для моего мужа это вполне естественно и на самом деле хотя бы раз в неделю мы проводим вечер именно в такой обстановке.

Дэвид ухаживает за мной, а я могу лишь молча наблюдать за тем, как он накладывает мне салат и приготовленную закуску, пармиджано реджано, наливает немного красного вина в мой бокал и повторяет такие выверенные действия для себя.

– Меня пригласили прочитать лекцию в Нью-Йоркском университете через пару недель, хочу, чтобы ты полетела со мной. Мои родители будут рады тебя увидеть, – лицо Дэвида было непроницаемым, и я не знала, что на самом деле кроется под его словами.

Ведь если быть честной, я не очень нравилась его родителям, и мы оба это прекрасно знали. Ведь их сыночек, самый умный из четырех братьев, не мог жениться на какой-то обычной девушке через пару месяцев после знакомства, наверное, поэтому я так и старалась быть хорошей женой, чтобы доказать им, что могу быть достойной их выдающегося сына.

– У меня работа, ты же знаешь. Но я сделаю все возможное, чтобы полететь с тобой, – спорить было бесполезно, и я все равно должна была бы сделать все возможное, чтобы не огорчать Дэвида, особенно после того, что я сделала уже дважды.

– Постарайся, – его голос был жесткий и выдавал все его скептическое отношение к моей работе и вообще к тому, что я работаю.

Мне удалось едва проглотить остатки еды. Ужин мы провели в молчании.

Все было как и всегда. Я собрала посуду и загрузила её в посудомоечную машину, вытерла стол, в то время как Дэвид сидел с ноутбуком на диване и мельком наблюдал за тем, правильно ли я делаю, меня немного раздражали его педантичность и перфекционизм, но я была натянута как струна от нашего непонимания вопроса работы и того, что мне сложно понять свои чувства в данный момент, так что единственное, что мне оставалось, это делать все, как правильная, достойная жена.

Едва я поставила вымытый бокал в сушилку, Дэвид замер возле двери, приглашая взглядом последовать за ним на наш «вечер кино». Сил сопротивляться у меня не было, хотя единственным настоящим желанием было устроить скандал и истерику, вот только я не знала, с чего начать. А эта тишина убивала меня и все моё желание.

Как и всегда, Дэвид переоделся в пижамные штаны, аккуратно сложив свои вещи в шкаф, и расстелил постель для нас обоих, как делал это каждую ночь. Я в первый раз за эти месяцы решила не переодеваться и тем самым спровоцировать зарождение в его голове мысли о том, что сегодня все не так, как всегда. Я аккуратно забралась в нашу кровать, легла поверх одеяла и сложила на груди руки, желая узнать, что он выбрал для нас на этот раз. Дэвид показывал мне кино каждую неделю, и каждый фильм, сериал или мультфильм был с какой-то мыслью, и чаще всего мне необходимо было догадаться самой, что это значило и что он пытался до меня донести.

Начались вступительные титры, и я поняла, что в этот день нам не избежать разговора после просмотра.

«Не знаю, как ты, а я... А я собираюсь... Я непременно pošлю письмо в компанию White Star и выразу своё недовольство!» – «Титаник».

Я усмехнулась и прикрыла глаза.

Вечная история любви, та, о которой снимали кино и о которой, наверное, мечтают многие.

Дэвид выключил телевизор, и я почувствовала, как его взгляд обратился ко мне. Медленно я открыла один глаз, а затем второй и очнулась не на «Титанике», а в нашей спальне, рядом со своим мужем.

– Я бы сделал это ради тебя, – его голос немного дрожал, и я едва не подумала, что его тронула эта история. Но почему-то мне кажется, что таких мужчин, как Дэвид, не столько трогают фильмы, сколько чувства, что они испытывают во время просмотра. Я видела его глаза, такие любящие, что моё сердце сжалось.

Могла ли я ответить ему тем же? Сделала бы я то же самое?

– Они бы легко уместились там вдвоем, глупая жертвенность, – вылетают слова, прежде чем я успеваю подумать о том, что скажу, и тут же жалею о сказанном.

– Дело же не в том, поместились или нет. Когда ты любишь человека, ты сделаешь все для его счастья и даже пожертвуешь собственной жизнью. Я бы сделал для тебя это, – вновь повторяет он, будто дает мне шанс изменить мой ответ на его слова, но я все равно не знаю, что сказать в ответ. Я не знаю, как можно пожертвовать жизнью, не знаю, как вообще жертвовать.

Если бы это был Фабиан и это было бы полгода назад, я бы точно знала, что отвечу. Я бы сделала это ради него, сделала бы, потому что любила и не знала, как можно поступить иначе. Все ради счастья любимого человека, даже моя жизнь не стоила бы его счастья. Теперь же я рядом с другим мужчиной, и он думает то же самое по отношению ко мне, он так чувствует. Почему же я такая черствая и просто не могу любить его так, как он того заслуживает, я обязана хотя бы постараться.

– Я бы сделала все, что смогла, чтобы спасти твою жизнь, чтобы уберечь твоё счастье, – я наклоняюсь, чтобы коснуться ладонью щеки Дэвида, и вижу в его глазах эту благодарность. Не уверена, что он понимает, что мои обещания лишь слова пока что, но я правда хочу эту почувствовать. И я сделаю все, чтобы эти клятвы стали правдой для нас двоих, он действительно заслуживает этого и такого отношения к себе.

Глава 4

Боже, я очень давно так не волновалась. Я поправила черную юбку-карандаш и вновь посмотрела на свое лицо в отражении в зеркале. Не верится, что это произойдет уже сегодня. Я так нервничаю и волнуюсь, что кажется, внутри все сжалось в ужасный узел и не распутается никогда. Пусть на лице и была едва заметная улыбка, я все равно знала, насколько взвинчена внутри. Вновь осмотрела свою белую рубашку, застегнутую слишком формально почти на все пуговицы, кроме последней. На блузке закреплена брошка в виде самолета, которую я педантично поправила, так же как и всю одежду. Черт, это уже точно нервное. Я ведь знаю, что все идеально, со мной по-другому и быть не может, но почему я тогда так нервничаю? Заправила прядь волос за ухо, ту, что выбилась из небрежного пучка сзади. Я поправила только мне видимый след от туши под глазами и нанесла блеск на губы. Я готова?

– Лис, такси приехало, – снизу послышался голос Дэвида, от которого я вздрогнула и обернулась к двери, будто он застыл в дверном проеме, а не на первом этаже нашего милого и любимого дома.

Схватив сумочку с кровати, ту, что я собрала еще вчера вечером, зная, что проведу всё утро перед зеркалом, оценивая себя и придумывая, почему я могу не понравиться им или, напротив, за что я должна им понравиться. Черт, я слишком много думаю о людях, на чье мнение мне в принципе должно быть плевать. Но я так не могу. Мне в принципе не бывает все равно на чужое мнение. Я заметила, как дрожит рука, коснувшись перил на лестнице, и усмехнулась своей нервозности. Это совсем не похоже на уверенную меня на работе. От этого, наверное, я и чувствую себя такой живой сегодня. Это в первый раз и поэтому кажется таким важным, единственно важным сегодня.

– Не верится, что ты не летишь со мной, – Дэвид даже не повернулся, чтобы взглянуть на меня, лишь посмотрел в отражение в зеркале, перед которым он поправляет галстук и пиджак. Я остановилась, чтобы взглянуть на него и снова впитать этот образ красивого мужчины, рядом с которым я засыпаю и просыпаюсь, именно с ним теперь связана моя жизнь навсегда. Зачем мне думать о ком-то другом, если рядом верный и любящий, безумно сексуальный и красивый Дэвид? Я глупая, если думаю, что есть кто-то лучше моего мужа. Золотистые волосы спадали на глаза, и он сдувал непослушные пряди, заставляя меня улыбаться такому мальчишескому поведению. На идеальной фигуре моего мужа сидел темно-синий костюм, а белая сорочка говорила о серьезности мужчины, несмотря на его еще достаточно юный возраст.

– Мы не увидимся пару недель, скажи что-нибудь, – он обернулся на меня, пожирающую его взглядом, и, наверное, хотел сделать вид сурового мужа, но его ямочки на щеках говорили о совсем других чувствах по отношению ко мне.

– Знаю, что ты расстроен, но уверена, семинары пройдут отлично, и я прилечу точно к годовщине твоих родителей. Ты не успеешь соскучиться из-за огромного количества дел, – я сделала шаг навстречу мужу и положила руки на его плечи, приподнимаясь на мысочки, чтобы коснуться губами его шершавого подбородка, не тронутого бритвой уже больше пяти дней.

– Я всегда замечаю, когда тебя нет рядом, – вспыхнул он уже более недовольно, но прижался ко мне так, чтобы я могла почувствовать жар его губ на своем лбу и устало вздохнуть в ответ.

Этот вечный разговор, наверное, не закончится, пока один не сдастся или пока не развернется земля под нашими ногами и мы не попадем в ад, чтобы наконец закончить этот спор относительно работы. Я просто устала постоянно обсуждать вопрос того, что я не должна работать.

Резкий гудок такси заставил меня вздрогнуть и отшатнуться от Дэвида, стараясь избежать взгляда его настойчивых глаз. Будто я могу принять решение здесь и сейчас и навсегда разрешить наши споры.

– Иди, а то опоздаешь на рейс, – я качнула головой в сторону двери, и Дэвид развернулся, не сказав мне ни слова.

Дверь хлопнула.

Без него дом будто сразу опустел. Это странное чувство, когда тебе не хватает кого-то, когда все кажется неживым и будто в пыли, если рядом нет человека, который окрашивает жизнь в яркие краски. Даже ссориться с Дэвидом приятнее, чем быть без него. Пусть мы не похожи и не можем понять друг друга в вопросе работы, но в остальном мы идеально сочетаемся и дополняем друг друга. Я вздохнула, ощутив странное чувство пустоты, и подошла к зеркалу, вновь проверяя, все ли в порядке.

– Удачи, малышка, ты покоришь их, – стальная хватка рук Дэвида, его руки сомкнулись на моей талии, и он притянул меня к себе, вжимая в себя так, что мне перестает хватать воздуха от силы его хватки. Он касается губами моих волос, пальцами проводит осторожно по шее у самого края, заставляя тело покрываться дрожью, и, наконец, дотрагивается губами маленького участка за ухом. Я вздрагиваю и откидываю голову ему на плечо.

– Мне правда пора, но я верю в тебя, Лис. Несмотря на то что я против, ты должна знать, что я всегда буду тебя поддерживать. А теперь мне правда пора, – Дэвид разворачивает меня к себе лицом и притрагивается холодными губами к кончику носа, отчего я смеюсь и уже собираюсь что-то сказать в ответ на его слова, но не нахожу того, что могла бы ответить, и замолкаю, так и не начав. Мой муж знает, что прав, и поэтому усмехается, он дарит мне прощальный поцелуй, вкус которого остается на моих губах и даже после того, как я слышу звук удаляющейся от нашего дома машины.

Я наконец понимаю, что и правда буду скучать по нему, а может, и даже больше, я очень не хочу, чтобы он уезжал от меня. Моя жизнь – сплошной бардак, и только Дэвид дарит мне равновесие и все приводит в порядок. Он нужен мне как единственный человек, способный обуздать мой характер и из-за которого я совсем не хочу чудить. Хорошо это или плохо – не знаю, но точно уверена в том, что рядом с ним мне спокойно и я не боюсь за свое израненное в «прошлой» жизни сердце. Теперь оно в безопасности. Вот только теперь наш дом опустел, и мне надо сделать все возможное, чтобы эти две недели держать себя в руках без Дэвида.

Это мой первый день в качестве преподавателя моего собственного курса «Человеческий фактор в авиации», так что причина, почему я так безумно нервничаю, вполне нормальная. Мне всего 24 года, а я написала и разработала целый курс лекций и семинаров, для того чтобы подготовить специалистов наземных служб к тому, с чем можно столкнуться и как выходить из всех конфликтных, и не только, ситуаций на работе. Многие думают, что авиация – это небо и самолеты, и это самое страшное, с чем можно столкнуться в этой профессии. Но на самом деле самое страшное и сложное – совсем не техника и природа, ведь мы всё же живем в XXI веке, а значит, научились строить качественную технику, отвечающую всем требованиям безопасности, а также способную реагировать на любые изменения в погоде. Что же касается природы, то пусть она и изменчива, мы научились предсказывать, прогнозировать и умеем вовремя реагировать на любые перемены, даже те, которые кажутся на первый взгляд совсем неопасными. Самое опасное в работе в авиации – это люди. Самое непредсказуемое, самое неожиданное явление в мире. На первый взгляд кажущийся обычным человек может уничтожить сотни жизней, а ребенок вполне способен спасти эти самые жизни. Столько примеров, столько опыта, и мне доверили поделиться им с теми, кто только хочет стать частью огромной семьи и заболеть навсегда авиацией.

Я толкнула белую дверь кабинета, в котором мне предстоит провести моё первое занятие. Здесь тихо, что не удивительно, ведь я, как и всегда, пришла на полчаса раньше, чтобы при-

готовиться к знакомству с новыми людьми, которые станут частью моей жизни в ближайшие пару недель. Поставив на стол свой стакан с любимым капучино, без которого не могло полноценно начаться утро, подошла к окну и раскрыла его настежь. За окном январь, и в комнату залетел зимний холодный ветер, от которого по телу прошла дрожь, но я лишь удовлетворенно улыбнулась и высунула голову в окно, наслаждаясь запахом зимы. Странно, но это моё любимое время года: я всегда любила лежать в снегу и делать «снежных ангелов», обожаю играть в снежки и кататься на коньках, но больше всего я люблю запах зимы и вкус корицы на языке, именно его я считаю по-настоящему зимним.

Но времени, чтобы наслаждаться, не так много, мне необходимо подключить технику и проверить, будет ли хорошо видна презентация, распечатать материалы для студентов по сегодняшнему занятию, а также забрать журнал, который я буду вести, чтобы в итоге мои студенты могли получить запись в сертификате об успешно прослушанном курсе «Человеческий фактор». Я преподаю в Школе авиации уже несколько месяцев. Мне нравятся атмосфера и обстановка, нравится, что я общаюсь с людьми, так же увлеченными этой работой, как и я. Но если раньше я лишь заменяла преподавателя на его курсе по наземному обслуживанию пассажиров, груза и почты, то сейчас это мой собственный курс, и поэтому я имею право волноваться. От этого будет зависеть, продолжу ли я преподавать в стенах уже любимого места или придется снова искать что-то подходящее. После ухода из ББА, после свадьбы и всего пережитого было сложно понять, что единственное, что я хочу, – это не бросать любимую работу. Месяц дома взаперти помог мне понять что-то, чему я научилась за годы работы в аэропорту и за короткий год с Фабианом не должно пропасть зря. И Вселенная поняла, что я определилась, и очень быстро натолкнула меня на работу в этой школе. За что я была благодарна всем силам, что помогли мне эти месяцы держаться на плаву. Теперь я спокойна и счастлива, теперь я делаю то, что мне нравится ничуть не меньше, чем работать в аэропорту, а может, даже и больше, ведь здесь все вполне предсказуемо и никакие пассажиры не могут выбить меня из колеи, особенно такие несносные, как Фабиан Лин Бойл.

Боже, ну зачем я опять о нем вспоминаю! Все ведь уже сказано и сделано, назад пути нет, только вперед в мою счастливую семейную гавань рядом с Дэвидом. Никакого Бойла.

Проверив готовность к занятию, я посмотрела на часы, которые говорили, что до занятия осталось совсем немного времени. Я с трудом сглотнула ком в горле и села за преподавательский стол, пробегая глазами в ноутбуке свою презентацию, повторяя, что собираюсь сегодня говорить.

– Доброе утро, – звонкий голос залетевшей в помещение хрупкой, невысокого роста блондинки вывел меня из мыслей и заставил поднять голову и расплыться в улыбке.

– Доброе.

Она была немногим младше меня, я почувствовала свою неуверенность, которая маленьким червячком пробивала себе путь вверх к моей самодостаточности и грозил довести меня до нервного мандража. Но я не могу дать волю своим страхам. Это слишком важно для меня сегодня. Медленно комната стала заполняться студентами. Разного возраста, пола, роста и телосложения. И вот передо мной сидят около 15 абсолютно разных людей, которые должны у меня чему-то научиться, а я не могу поверить, что дошла до этого самостоятельно. Нет, надо взять себя в руки и стать тем, кем я всегда была. Сильной.

– Доброе утро, – я встала из-за стола и оглядела забитое людьми помещение, прислонилась к столу, обойдя его спереди, и, найдя опору под попой, улыбнулась, – меня зовут Алиса Стэнджер, и именно я проведу вас в удивительный мир человеческой природы в авиации. Вы можете называть меня просто Алисой, – я выпрямилась и вновь оглядела помещение, – начну с того, что расскажу план наших занятий и то, с чем вы выйдете из этой комнаты. С этого дня и на протяжении двух недель мы будем встречаться с вами каждый день с понедельника по пятницу, с 9 утра и до 13 я буду вашим гидом. У нас будет шесть теоретических занятия, три прак-

тических и в конце, конечно, экзамен, который покажет, как хорошо вы сможете справляться со всевозможными ситуациями в будущем. Вы у меня первые, поэтому надеюсь, что курс вам понравится, для меня вы будете особенными, – я улыбнулась и села за свой стол.

– Прежде чем познакомиться с вами, начну с одной истории, которая покажет вам, чему мы будем учиться, – я нажала клавишу на компьютере, и на экране позади меня показался первый слайд всего лишь с одной надписью «Человеческий фактор».

– Понятие «человеческий фактор» вошло в авиацию сравнительно недавно. После того как техника перестала давать сбои и мы поняли, что катастрофы связаны совсем не с ней, неожиданно все пришли к выводу, что пока в сфере заняты люди, всегда будет возникать этот самый человеческий фактор и мы никогда не сможем быть на сто процентов уверены в своей безопасности. Но для того, чтобы максимально приблизиться к отметке сто, мы и будем проходить, как нам справлять с разного рода ситуациями. В качестве самого яркого примера я хочу привести один случай, который хоть и не привел к человеческим потерям, но мог бы. Я хочу, чтобы вы внимательно послушали и сказали, что было не так в этой истории, – я вновь нажала клавишу на компьютере, и слайд сменился на фотографию с самолетом.

– Обычный рейс из Амстердама в Вашингтон, все пассажиры прошли регистрацию и после паспортного и личного досмотра сидели в ожидании своего вылета. На посадке, как и всегда, осуществлялся дополнительный досмотр. Все пассажиры благополучно его прошли и занимали свои места в салоне самолета. Но одна пассажирка все смотрела на парня, который размещал свою ручную кладь на багажной полке, и убеждала себя в том, что все хорошо. Взлет, самолет занял высоту, и пассажирам разрешили расстегнуть ремни безопасности. Прошло не больше 20 минут от полета, и неожиданно один из пассажиров загорелся. Его штаны полыхали, как ведьма на костре. Рейс был срочно возвращен в аэропорт вылета. Он благополучно сел, и никто, кроме загоревшегося, не пострадал. Он сел в тюрьму на 23 года, – я кратко рассказала одну из самых известных попыток теракта и посмотрела на замерших студентов. Думаю, они были не готовы, что я так резко начну. Робко с задней парты поднялась рука, и я кивнула молодому парню с короткой стрижкой каштановых волос.

– Это был тот парень, на которого смотрела женщина? – его голос, совсем тихий, едва долетел до меня, и я, улыбнувшись, кивнула. – Она знала?

– Она не знала на сто процентов. Еще на посадке она заметила парня, который ведет себя нервно и обильно потеет, но решила, что он просто боится летать.

– Он хотел взорвать самолет? – послышалось откуда-то сзади вновь, и я кивнула.

– Почему она никому ничего не сказала? – блондинка, что первая пришла в класс, подала голос.

– В этом и вопрос. Надеюсь, мы к концу курса найдем на него ответ. Есть интуиция, есть внимательность, есть множество того, что может спасти тысячи жизней. Всего одно слово, и возможно, это изменило бы чью-то судьбу и сохранило бы жизнь. Я не просто так рассказывала вам историю, где никто не пострадал. Вы должны понимать, что не всегда все закончится хорошо, фарт не играет на стороне людей в ста процентах случаев, – я выглядела такой серьезной, что даже сама боялась того, что говорю. Но на самом деле одно слово может спасти чью-то жизнь. Я очень хорошо это знаю, однажды сделав это для одного мужчины, который навсегда остался в моем сердце. Я встала из-за стола и вновь предстала перед классом, поправив юбку-карандаш.

– Но давайте отвлечемся и познакомимся поближе. Как вы уже знаете, меня зовут Алиса, я работаю в авиации уже очень давно, вся моя жизнь связана именно с этой профессией. Еще ребенком я знала, что буду делать до конца своих дней. А теперь я хочу послушать вас, давайте начнем с первой парты.

По очереди студенты начали рассказывать о себе, своем опыте в авиации и ожиданиях от этой работы. Мне нравилось знакомиться с теми, кто будет увлечен этой профессией, нравилось слышать их рассказы о том, как судьба привела их сюда.

Неожиданно дверь распахнулась, так что весь класс затих и наши головы одновременно повернулись к двери, в которой замер человек, которого я совсем не готова была увидеть сегодня. Впрочем, как и вообще в любой день.

– Простите, я опоздал, – громкий голос Фабиана заставил моё сердце биться чаще, и я с трудом сглотнула.

– Занимайте ваше место, – как-то тихо и вяло проговорила я, даже не веря, что произношу эти слова вслух. Только этого сейчас не хватало. Обязательно надо будет выяснить, зачем он сюда явился и что опять хочет. Но только не перед студентами, чьё доверие я хочу заслужить, а не того, чтобы они стали свидетелями моей жизненной драмы.

– Продолжайте, Бен, – я посмотрела на парня во втором ряду и попыталась улыбнуться, но теперь улыбка казалась какой-то вымученной. Я чувствовала, как два черных глаза-озера прожигают дыру во мне. Я сжалась от этого взгляда, который чувствовала, и заняла свое место за столом, чтобы не видеть взгляда Фабиана.

– У нас кто-то остался? – проговорила, когда комната погрузилась в тишину после представления всех присутствующих, хотя и знала ответ на этот вопрос. Рука Бойла взметнулась вверх.

– Еще я, мисс Грин, – его голос заставлял все мои внутренности сжиматься в тугий узел, и единственное, что я могла, это кивнуть, давая согласие, чтобы он начал свой рассказ.

– Меня зовут Фабиан Бойл, – самодовольно начал он, так что несколько голов моих студентов повернулись к нему, и я, кажется, даже услышала девчачий вздох, – в авиации я с самого рождения, моя душа сплетена с самолетами.

– Исчерпывающе, мистер Бойл, – зло, сквозь зубы процедила я, – спасибо всем за интересные рассказы. У нас по плану перерыв на 30 минут, и жду вас в 12.

Раздался шум поднимающихся со своих мест студентов, а я уткнулась в ноутбук, стараясь привести в норму свое дыхание и уgomонить гормоны, которые так остро реагировали на присутствие Фабиана в одном помещении со мной. Предательское тело, надо срочно позвонить Дэвиду, чтобы вспомнить, что я счастливо замужем и только там и должна быть – рядом с Дэвидом, и мысленно тоже только там. Несмотря на то что помещение опустело за считанные минуты, я чувствовала, что так и не осталась одна. Подняла голову от компьютера, упершись в самодовольное лицо восседавшего в самом последнем ряду Фабиана, сложившего на груди голубой сорочки руки и изучавшего меня так, что по телу пробежала дрожь от его взгляда. Я следила за тем, как он медленно встал из-за стола, как подошел ко мне и замер напротив моего стола, изучая и говоря без слов. Но я совсем не хотела его понимать, слушать и реагировать.

– Зачем ты здесь? – попыталась как можно резче сказать я, но, думаю, он уже не реагировал на мой тон.

– Учиться, я пришел учиться, Алиса, – он улыбнулся так, что появились ямочки на щеках, и моё предательское тело отреагировало приятным теплом, раскатившись от пальцев на ногах до самой макушки. Думаю, я даже покраснела, но надеюсь, Фабиан этого не заметил.

– Именно в моем классе, именно человеческому фактору и именно сегодня, в моей первый день, – скептически заметила я, выпрямляя спину и стараясь придать себе уверенности, которую обычно я теряла рядом с этим мужчиной.

– Это лишь приятный бонус к тому, что я действительно должен продлить сертификат, – он уперся руками о стол и наклонился ниже ко мне, так что до меня долетало его горячее дыхание.

– А ты не можешь поменять свои планы? Я совсем не хочу тебя здесь видеть.

– Ну, малышка, а я очень хочу тебя видеть. Целых две недели в твоём обществе просто улада для моих глаз.

– Шел бы, – начала я, но поняла, что не могу послать его туда, куда мне бы хотелось, – к жене, – закончила я мысль и сложила руки на груди, стараясь отгородиться от него.

Я видела, как резко изменилось лицо Бойла, но он так же быстро сменил маску и вновь надел самодовольство.

– Это сама судьба привела меня сюда сегодня. Я думал, будет скучно, но оказалось, это будут лучшие две недели в моей жизни. Даже не стану прогуливать твои занятия. Уверен, ты изменишь свое мнение относительно нас за эти две недели. Я умею добиваться своего, – он как-то зло усмехнулся, напомнив мне злого диснеевского персонажа, который строит коварные планы, однако сначала они почему-то осуществляются. Но я помню, как заканчиваются все сказки, добро всегда побеждает зло, и надеюсь, моё добро тоже победит. Это будут очень долгие две недели.

Фабиан потянулся вперед, чтобы коснуться меня, но в класс начали заходить студенты, которые спасли меня от непрошенных эмоций и реакций на этого мужчину. Он одернул руку, но его злая усмешка застыла на лице, так что я с трудом смогла сглотнуть ком в горле.

– Продолжим, – я встала из-за стола, едва все снова заняли свои места, – сегодня первое занятие, и мне хотелось бы, чтобы мы учились на наших же историях. Прошу вас подумать, когда в вашей жизни случалась история, связанная с человеческим фактором, и какие выводы вы сделали.

Не прошло и секунды, как я закончила свою речь, вверх взметнулась рука, которую я совсем не хотела видеть. Эти руки меня когда-то обнимали, и эти руки я хотела, чтобы дарили мне наслаждение. Нет, надо эти мысли гнать от себя.

– Да, мистер Бойл, у вас есть для нас история? – моя бровь взметнулась вверх в надежде, что он лишь хочет уйти с занятия, но уверена, что его угроза минутами ранее не сбыться.

– Я сразу вспомнил одну историю, мисс Грин, – я потеряла переносицу, смотря на Фабиана.

– Конечно, мистер Бойл, – я оглядела присутствующих, – но называйте меня либо Алиса, либо миссис Стэнджер, – я знала, что его заденет фамилия мужа, и я, честно говоря, очень хотела его позлить. Лицо Фабиана изменилось, но, как и раньше, он быстро надел маску безразличия.

– Несколько лет назад я хотел лететь в Париж, но одна напыщенная сотрудница аэропорта не пустила меня на самолет и отменила мой рейс. Достаточно ли это человеческий фактор? – мужчина усмехнулся, впери в меня взгляд, в котором я читала вопрос «Ну и как ты поступишь, малышка?». Я знала, что он спросил бы именно так, со всей своей напыщенностью.

– Отличная история, мистер Бойл, – я обернулась к столу и сделала несколько шагов вперед, вставая перед аудиторией изучающих меня глаз, – кто скажет, что в этой истории не так и как надо было поступить в данной ситуации?

Несколько рук взметнулось вверх. Я указала головой на блондинку в первом ряду.

– Такое поведение непозволительно, – я удовлетворенно улыбнулась и метнула взгляд, полный угрозы, в Бойла, – эту сотрудницу надо уволить за такое отношение к пассажиру.

Я отшатнулась, услышав такие слова, и улыбка исчезла с лица и мгновенно появилась на лице Фабиана. Козел.

– В смысле, Рейчел? Почему сотрудница не права? – мне кажется, мой голос даже срывался от нескрываемых эмоций гнева.

– На каком основании она отменила рейс? Кто дал ей такие права? – послышался голос брюнетки, что сидела рядом с Фабианом, и я почти видела, как она пускала слюни, едва касаясь его случайно рукой.

– Возможно, мистер Бойл расскажет нам? – обратилась я к Фабиану, который развалился на стуле, будто на диване в своем доме.

– Она посчитала, что закончившаяся снежная буря пару часов назад, снова возобновится и мы не справимся с полетом в таких условиях, – не разрывая со мной контакта глаз, сказал Фабиан, и аудитория замолчала.

– И прогнозы сбылись? – брюнет с первого ряда подал голос, за что я была благодарна. Теперь Фабиану не отвертеться.

– Да, – менее уверенно сказал он и, отпустив меня взглядом, опустил глаза в лежащий перед собой телефон.

Тут же послышались голоса, начавшие обсуждать поведение девушки. Знали бы они, что этой девушкой была я и что спасла этому уроду жизнь, за что поплатилась разбитым сердцем и драмой в жизни, из которой еле спаслась и вышла живой, пусть и раненой. Нет, они никогда не смогут понять, какое значение эта история имела для меня, а возможно, и для Фабиана, если бы он сейчас не сидел бы в телефоне и не печатал сообщение; то, наверное, заметил бы, как остро я переживаю то, что произошло с нами очень много лет назад, да и то, что произошло совсем недавно, я тоже еще не пережила.

– Значит, она права, – настойчивый голос парня заставил меня выйти из размышлений и прислушаться к дискуссии.

– На каком основании? Это решение человека, может, это была его судьба, – почти кричала блондинка на парня.

– Она спасла жизнь нескольким людям, надеюсь, её не уволили, – пробубнил он и сложил руки на груди, демонстрируя, что больше не собирается ругаться с истеричной девушкой, сидящей рядом.

– Вы все правы и неправы одновременно, – начала я, отвлекая внимание студентов от спора и возвращая их к нашему занятию, – ваша правда, что сотрудница не имеет права указывать, что делать, это решение всегда за человеком. Но и не правы, потому что это и есть человеческий фактор. Она должностное лицо, безопасность пассажиров, экипажей и всего персонала – часть её работы. Если мы можем влиять, то мы обязаны это делать. Я вам скажу так, она не лишилась работы и еще долгое время трудилась в аэропорту. Но за это решение она наказание все же понесла, – я метнула взгляд на Фабиана как раз в тот момент, когда он отвлекся от телефона и мои последние слова дошли до него и, надеюсь, были услышаны.

Я правда считаю, что я была наказана за то, что сделала, и это было хуже, чем лишиться работы. Потерять всякую надежду на то, что будешь с человеком, которого любишь всем сердцем, гораздо хуже, на мой взгляд.

Я посмотрела на часы.

– Ну что же, уже почти час, и я вас отпускаю. Увидимся завтра, спасибо за отличное занятие, – я вернулась к своему столу, выключая компьютер, пока студенты покидали кабинет, прощаясь со мной. Я чувствовала, как Фабиан замер возле меня.

– Ты еще не наигрался? – устало произнесла я, поднимая взгляд на мужчину.

– Ты правда считаешь, что зря спасла мою жизнь? – он выглядел каким-то удрученным и потерянным, поняв это для себя. Как же мне хотелось сказать, что это правда! Но я никогда не умела хорошо врать Фабиану, и сейчас уже поздно начинать.

– Нет, конечно, не считаю. Это моя работа, и я её выполняла, всегда буду гордиться, как я её делаю, – я хотела бы отвести взгляд от черноты, но это было выше моих сил. Он гипнотизировал меня, и руки тряслись от того, как сильно я хотела к нему прикоснуться.

Он выглядел таким серьезным, будто обдумывал, что сказать или сделать, сейчас я не боялась его слов, почему-то мне казалось, что он изменил свое решение и уже не хочет играть. Мне казалось, что эти мои слова что-то в нем изменили, хотя бы на несколько минут, часов, но он стал моим Фабианом, тем, в кого я когда-то влюбилась.

– Я не буду хорошим, Алиса. Приготовься, эти недели ты никогда не забудешь, – он наклонился слишком низко, и я чувствовала, как он тянется, чтобы коснуться своими губами моих и подарить те ощущения, по которым я так сильно скучала, он замер в сантиметре от меня, – ты сама будешь умолять, чтобы я взял тебя, – я ощутила его слова на своих губах и задрожала всем телом от предвкушения. Но вместо этого он лишь оттянул мою нижнюю губу пальцами и, зло рассмеявшись, вышел из комнаты.

Мои глаза распахнулись. Я осталась одна и чувствовала острую необходимость ударить кого-то или разбить что-то, возможно даже чье-то лицо. Так невозможно издеваться над человеком. А я хороша. Пара слов, взглядов, и вот я уже плыву и хочу, чтобы он поцеловал меня и взял меня, нет, этому не бывать. Я замужем и сплю с мужем. Мне стоит почаще говорить себе это, и Фабиан не дожидается того, чтобы я просила его. Всего две недели, и он уйдет снова из моей жизни, которая станет лучше прежней без него.

Но тогда почему внутри запорхали бабочки и все закружилось перед глазами, едва я ощутила его дыхание на своем лице? Почему я чувствую, как дрожу, и почему хочу, чтобы он играл со мной, чтобы никуда не уходил? Еще утром я была уверена, что эти две недели без Дэвида будут очень тяжелыми и я хочу, чтобы муж вернулся, но теперь я остро ощущаю, что эти две недели будут самыми яркими за последние полгода, и несмотря на то, что это неправильно, играть с Фабианом – самое необходимое сейчас в моей жизни.

Как подтверждение того, что я делаю что-то неправильное, завибрировал мой телефон на столе.

Дэвид: Я долетел, все хорошо. Уже скучаю и жду твоего прилета.

Я быстро набрала ответ Дэвиду и откинулась на спинку стула.

Алиса: Тоже скучаю, жду с нетерпением встречи.

Это было почти правдой. Я думала, что скучаю по Дэвиду сегодня утром, и я почти уверена, что думаю так и сейчас. Вот только тот самый маленький червячок, что утром должен был нарушить моё спокойствие, теперь говорит мне, что в этой жизни надо попробовать все, и даже наркотики. А мой самый сильный наркотик – Фабиан Лин Бойл. И я очень сильно хочу заполучить дозу, из-за которой сносит крышу. Я знаю, что это неправильно и хорошие девочки так не поступают. Но кто сказал, что я хорошая? Кто сказал, что это неправильно играть со своим сердцем, если из-за этого я чувствую, что снова живу?

Глава 5

Даже не верится, что эта неделя наконец закончилась. Я толкнула входную дверь и в конце концов оказалась в темноте прихожей, обещавшей стать моим спасением. На улице уже давно стемнело, но после занятий мне совсем не хотелось идти домой. Я бродила по улицам, всматриваясь в лица людей, просто наслаждаясь городом и какой-то необычной атмосферой свободы и раскрепощенности всего вокруг. Воздух дышал зимней сказкой, и несмотря на ледяной ветер, который забирался под одежду, я не чувствовала холода или даже маленького желания оказаться в тепле какого-то помещения. Прошла целая неделя с начала моих занятий и того, как Фабиан вбил себе в голову, что ему просто необходимо ходить на них и злить меня каждый день своим присутствием. Я старалась держать себя в руках, но это было необычайно сложно. Пусть я и видела, что остальным нравятся занятия и мы достаточно далеко продвинулись в понимании поведения людей, но я точно отдалилась от понимания поведения одного конкретного мужчины. Я так устала от него, что уже не могла ни видеть, ни слышать, и даже звук его голоса раздражал меня с каждым днем все сильнее. Я слишком хорошо понимала причину своего недовольства, и это злило меня еще сильнее. Я ненавидела, что моё тело реагирует на него и что я слишком сильно хочу чувствовать, как он прикоснется ко мне. Мне хотелось убедить свой мозг в том, что это лишь потому, что я давно не просыпалась рядом с мужчиной и моё тело лишь тоскует по Дэвиду, но правда была в том, что мне был нужен только Бойл, и я ненавидела его за это.

Часы уже давно перевалили за полночь, но мне абсолютно не хотелось спать. Вечер пятницы создан для того, чтобы начать чувствовать себя лучше, но мне отчего-то не становилось хотя бы немного легче. Я прошла на нашу маленькую кухню, сняв в коридоре обувь и ощущая холодный пол под голыми ногами. Мне нравилось, что я чувствую что-то, даже такую мелочь, как холод. Вытащив из холодильника открытую пару дней назад бутылку красного вина, забралась на барный стул и налила себе бокал. Я так и не включила свет в доме. Темнота окутывала меня. Мне кажется, что именно в темноте проявляются наши настоящие эмоции и чувства.

Капелька вина скатилась по бокалу и оставила на белой поверхности стола след. Дэвид тут же бы вытер её и с недовольством посмотрел бы на меня. Ему не нравилось, что я не обращаю внимание на мелочи, в то время как ему надо, чтобы все было идеально. Но я, как и всегда, усмехнулась бы и прикоснулась бы влажными губами к его щеке, также оставляя след. Я сделала глоток вина и ощутила острое желание написать мужу. Возможно, мы слишком мало общались всю эту неделю из-за моей работы и его лекций в Нью-Йорке, а сейчас мне было необходимо выговориться. Я вытащила телефон, положила на стойку прямо перед собой и всмотрелась в темноту экрана.

Терпкий вкус вина остался на губах, и я стянула свитер, оставшись в одной кружевной майке. Мне становилось жарко от вина или от того, какие эмоции я испытываю уже неделю. Эту жажду, голод и странное ощущение внизу живота, едва Фабиан появляется в комнате. Не думала никогда, что буду так смотреть на него после всего того, что он со мной сделал. Но черт, он слишком красив, слишком хорошо знает об этом и понимает, как я реагирую на него. Я коснулась кольца на своем пальце и прокрутила. Нет, я же замужем и испытываю чувства к Дэвиду. Даже, наверное, достаточно сильные чувства. Он мне точно нравится.

Я рассмеялась и сделала еще глоток вина. Это прямо лучшее, что можно сказать о собственном муже. Нравится. Ужасное слово и не менее ужасные чувства, как вообще можно так говорить о мужчине, с которым ты спишь? Он ведь нравится моей семье, и я даже думаю, что родить от него ребенка было бы отличной идеей, и мы точно сделаем это однажды. Но я ведь знаю, что не люблю его, пока что не люблю. Надеюсь, это однажды придет.

Экран телефона засветился.

Фабиан: Твоя задница сегодня идеально смотрелась в этих джинсах.

Я рассмеялась, и вино брызнуло из носа, оставляя красные следы на теле и столешнице.

Этот мужчина никогда не перестанет поражать меня. Уже ночь, а он продолжает писать мне и настойчиво добиваться своего. Нет, я не должна ему отвечать. Он ведет себя неправильно, и хорошие жены не отвечают на подобного рода сообщения.

Алиса: Тебе следовало бы поменьше смотреть на нее и побольше времени уделять учебе.

Отличный ответ. Я мысленно похвалила себя и сделала еще глоток вина, оставляя лишь каплю на самом дне.

Медленно встала со стула и, схватив с пола свитер, засунула телефон в задний карман и медленно поднялась наверх, в нашу с Дэвидом спальню.

Фабиан: А платье в четверг... Мне хотелось забраться под него и ощутить, какая ты влажная. Знаю, ты была такой.

Телефон вновь засветился, пока я стягивала те самые злополучные джинсы и убирала все вещи в шкаф. Оставшись в одном лишь белье, я схватила телефон и закрылась в ванной. Странная привычка. Дэвида нет в доме, но я продолжаю запираюсь, будто кто-то может войти и увидеть меня обнаженную или то, что я буду делать в ванной, как разглядываю себя в зеркале и замечаю все свои недостатки. Как рассматриваю каждую складку и каждую родинку, представляя себя совсем другой. Дэвид говорит, что любит меня любой, но я чувствую, что недовольна собой.

Я прочитала сообщение, и странная улыбка застыла на лице, я видела её в зеркале точно так же, как и румянец на щеках и пальцы на ногах, закололо от ощущений внизу живота.

Алиса: Помечтай о своей жене, Фабиан.

Отпарировала я, потому что именно так поступают замужние женщины.

Ответ пришел моментально.

Фабиан: Мне нравится мечтать о тебе, когда я один. Моё тело знает, что оно хочет, лучше моей головы.

Я отложила телефон, решив, что больше не стану отвечать на его сообщения. Набрала полную ванну воды и медленно погрузилась в нее, улетаю куда-то в свои фантазии. Медленная музыка лилась из телефона, и наконец моё тело расслабилось. Это действительно была очень долгая неделя.

Телефон пискнул, и рука сама потянулась за ним. Не знаю, что я хотела, мне льстили слова Бойла, и нравилось, что он думает обо мне. Я не признаю, что сама мечтаю о нем, но отрицать не буду, что меня возбуждают мысли о нем, мечтающем обо мне, и то, что я никогда ему не достанусь. Я открыла сообщение и чуть не выронила телефон в задрожавших руках. С экрана на меня смотрел Фабиан, абсолютно обнаженный и сжимающий в руке свой стоящий член. Черт!

Фабиан: Уверен, ты хочешь меня не меньше. Еще неделя, малышка. Ты не устоишь.

Тут же пришло сообщение от самого несносного мужчины, и я убрала телефон, боясь того, что все же уроню его, если получу еще одно сообщение от Фабиана. Этот мужчина точно знает все мои чувства и уверен в том, что победит. Да и когда он проигрывал? Он никогда не сдастся точно так же, как когда-то я. Но моя тихая гавань безопаснее, чем вечный вулкан с Бойлом. Я выбрала безопасность, я выбрала Дэвида.

Я подумала о муже, чтобы немного снять напряжение, возникшее во всем теле, но рука произвольно потянулась к заветному месту, и я почувствовала, как сильно Фабиан влияет на меня. Он не должен никогда узнать, что я становлюсь влажной всего от одного сообщения и фотографии. Но боже, какой же он красивый и сексуальный, уверенный и сложенный, словно греческий бог! Перед глазами встало фото, и я с силой зажала пальцами сосок, заставляя почувствовать боль и возбуждение. Всего неделя, и я буду в объятиях любимого мужа, всего неделя, и смогу проснуться рядом с тем мужчиной, которому принадлежу. Неделя.

Я лежала в кровати и старалась уснуть. Телефон вновь пискнул, но я пообещала себе не читать и не смотреть туда. Нет, мне стоит выкинуть из головы все пошлые мысли. Я уже неправильно поступила в ванной, удовлетворив себя, представляя Фабиана, и теперь моя совесть кричит о том, что даже так не стоит поступать при живом муже. Но это всего лишь фантазии, я ведь совсем не собираюсь делать ничего такого. Я ведь не собираюсь?

Дурацкий телефон снова сообщил о поступившем сообщении, и я заняла в кровати, накрываясь с головой одеялом.

Я слабовольная, и рука притянула к лицу телефон.

Дэвид: Спокойной ночи, любимая. Еще неделя, и смогу тебя поцеловать.

Муж. Любимый, нежный, ласковый муж. Вот кто должен дарить мне наслаждение. Вот рядом с кем мне спокойно и хорошо. Это правильно. Я улыбнулась сообщению и отложила телефон. Но вот маленькая часть меня надеялась увидеть сообщение от Фабиана, я надеялась еще на маленький знак от него, хоть их и было уже предостаточно. Я должна думать о муже. Это правильно.

Я обняла подушку Дэвида и вдохнула его запах, такой родной и надежный. Без него плохо, и мой мозг очень слабо соображает. Всего неделя, и я снова буду в безопасности от своих фантазий и своего предательского сердца.

Я думаю, что знаю, что портит нам всем жизнь. Телефон. Эта штукавина перестала облегчать нам связь с миром и с людьми, теперь она стала тем, что вызывает лишь проблемы. В этой штуке заключается вся наша жизнь. В какой-то степени грустно осознавать, что твоя жизнь помещается в коробку весом не больше нескольких граммов. Но в этом вся правда. Фотографии, сообщения, органайзер и контакты. Деньги, медицинская карта, платежи и еще куча мелочей, что делают нашу жизнь, – заключаются именно в нем. А еще он умеет звонить совсем не вовремя.

– Если это не звонок, что я выиграла миллион, то сторите в аду, – крикнула я в трубку, открывая один глаз.

Голос в телефоне рассмеялся.

– Ты что, спишь? – голос Евы был таким радостным и звонким, что это взбесило еще больше.

– Сегодня же суббота, конечно, сплю, – промычала в трубку я, накрываясь от солнца одеялом с головой и закрывая оба глаза в надежде, что это все лишь сон.

– Пора вставать, соня, уже десять. Открой нам дверь, мы уже замерзли, – крикнула она в трубку, и я услышала гудки на том конце провода.

Черт, как же я ненавижу, когда меня будят! Ведь сегодня суббота. Я должна проваляться весь день в постели и получить наслаждение от того, что в доме больше никого нет. Но это лишь фантазии. Я медленно высунула одну ногу из-под одеяла, почувствовав холодный воздух вокруг, и проныла что-то нечленораздельное, в то время как послышался очередной звонок в дверь. Надо просто дать уже этим несносным девчонкам ключ, и тогда я перестану просыпаться раньше полудня в субботу. Я сдернула с себя одеяло, ощутив холод во всем теле, и уже чуть было вновь не накрылась одеялом, как снова раздался звонок в дверь и телефон завел привычную мелодию, стоявшую на вызов от Евы.

Я заставила себя встать и сбежала с лестницы, чуть не пересчитав все ступеньки попой.

– Ненавижу вас, – первое, что я сказала, открыв дверь и увидев перед собой подруг.

– И мы тебя рады видеть, – недовольно проговорила Анна, вваливаясь в дом, отодвигая меня к противоположной стене. Девчонки сняли верхнюю одежду и поежились после мороза.

– Кто будет кофе? – я вошла на кухню, ставя кофеварку и доставая из холодильника молоко и вчерашние булочки из кофейни Маркуса, куда я захожу каждый день за приготовленным специально для меня завтраком. Хорошо иметь в друзьях и мужьях лучшей подруги владельца лучшей кофейни города.

– Только кофе, у нас весь день расписан почти поминутно, – радостно крикнула Ева у моего уха и забралась на барный стул.

Анна же убрала мой вчерашний бокал в мойку, протерла столешницу и заботливо поставила булочки греться в микроволновку. Она будет лучшей мамой на свете.

– Ну и во сколько ты вчера вернулась с работы? – точно как заботливая мамочка, спросила Анна, усаживаясь на барный стул рядом с Евой.

– Около полуночи, я гуляла, – я запахнула халат и подставила кружки в кофеварку.

– Одна? – одновременно отреагировали подруги.

– Почему нет, иногда надо побыть в одиночестве. Я безумно устала за эту неделю, – я достала кружки и поставила перед подругами, вновь нажимая на клавишу на кофеварке и наполняя свою любимую большую кружку свежим кофе.

– Фабиан так и не оставил тебя в покое? – Анна выглядела обеспокоенно.

Конечно же, я тут же рассказала обо всем лучшим подругам и получила целую порцию непрошенных советов. Мягкая Анна говорила о том, как важно быть преданной мужу и что Фабиан поступает абсолютно не по-человечески, а резкая Ева твердила, что он козел, это было самое мягкое слово в его адрес. И что надо наказать мерзавца, ведь он должен быть с женой, а не флиртовать с замужней домохозяйкой и её подружкой невесты, не забывала вставить она почти в каждое предложение.

– Он просто не может получить желаемое, поэтому и старается. Если бы он видел реакцию, быстро потерял бы интерес и к занятиям, и ко мне, – я села прямо напротив подруг и сделала глоток любимого напитка, способного наконец вернуть меня к жизни. Я не стану рассказывать подругам о вчерашних сообщениях и фотографиях, они не смогут пережить это и обольют Бойла её большим ядом. Но я благодарна ему за то, что вчера смогла расслабиться и пофантазировать. Пусть и не о том, что принято, но эти фантазии были такими реальными и когда-то очень желанными, пусть так и остаются фантазиями. Я бросила взгляд на телефон. Не знаю, что делать, возможно, следовало сразу стереть всю переписку, но я лишь сохранила фото в тайную папку, чтобы никто никогда не смог её найти, кроме меня, когда я вновь решусь пофантазировать.

– Осталась всего неделя, и ты полетишь к Дэвиду. Вы, кстати, надолго застрянете там?

– Пара недель, не больше, не могу находиться с его семьей. И я им тоже не нравлюсь, особенно Мэй, – моё лицо исказила гримаса недовольства, и в голове сразу вспыхнул образ сестры Дэвида, которая меня просто ненавидела. Впрочем, я понимала почему, но не может же человек так ревновать к брату, это как-то совсем ненормально.

– Ты же успеешь забрать моё платье? – вновь вернула к себе внимание Ева, и я утвердительно кивнула.

Поездка в Нью-Йорк совершается не только потому, что я должна быть на годовщине свадьбы родителей Дэвида, кстати, его отец хотя бы не так явно ненавидит меня, в отличие от его матери, которая каждую встречу ищет повод, чтобы задеть меня, ей кажется, что моих недостатков слишком много, чтобы быть с её любимым сыночком. Братья Дэвида тоже не особенно расположены, но это скорее равнодушие, в их семье братья достаточно холодно относятся друг к другу, в том числе и к личной жизни друг друга. А вот Мэй, самая младшая из Стэнджеров и самая мерзкая, просто ненавидела меня и не забывала всем своим видом показывать это. Впрочем, и я её не люблю. Но это лишь один вечер в кругу его семьи, в оставшееся время я должна забрать наши с Анной платья для свадьбы, а также платье Евы для свадьбы. Это моё самое главное задание, по словам Евы.

– Конечно, все будет в лучшем виде, принцесса, – как фея-крестная, сказала я и допила свой кофе, – ну и какие у нас планы на мой свободный и спокойный субботний день?

– Ты не поверишь, – рассмеялась Анна, вставая к раковине и споласкивая наши кружки после утреннего кофе.

– У меня назначена встреча с кондитером, надо попробовать торты. Забрать приглашения из типографии и репетиция прически и макияжа, – затараторила Ева, заставляя нас с Анной рассмеяться.

– А развлекаться мы, видимо, уже не будем, – вновь рассмеялась я, толкая подругу в плечо и отходя в коридор, чтобы подняться на второй этаж для сборов. День обещает быть не менее долгим, чем все предыдущие.

– Нет, – послышался крик снизу, – вечером мы идем в клуб. Адам уехал, а Маркус отпустил Анну. У нас девичник, и будет весело, – долетели до меня слова Евы, и я улыбнулась.

Да уж, весело, не то слово. Впрочем, мне нравилось помогать подруге готовиться к свадьбе, я слушала об этом событии по несколько часов в день и смогу пережить и целый день. Я почти уверена, что мой мозг не закипит от количества радости и мимимишности в Еве. Из-за Адама она стала совсем другой, более мягкой, и даже нецензурная брань вылетала из её чудесного ротика не так часто. Но мне почему-то казалось странным готовиться к свадьбе так тщательно и все выбирать, будто это самое важное событие в твоей жизни. Но я не смела сказать этого Еве, ведь она так мечтает стать принцессой на один вечер. Кто я такая, чтобы разрушать её сказку? Просто я не такая и мне не нужна была эта мишура, я просто хотела пройти к алтарю к мужчине, которого люблю, и сказать свою клятву. Жаль, что я подошла совсем к другому мужчине и поклялась ему быть верной. А тот, которому предназначались эти слова, шлет мне свои обнаженные фотографии. Отличные решения я принимаю по жизни.

Наш день прошел не так плохо, как я думала. Пробовать торты было самым лучшим, я давно не ела такого количества сладкого за раз. Кажется, в ближайшее время я точно не захочу ничего подобного. Мы забрали пафосные приглашения на свадьбу с вензелями и росписью каллиграфией, от которых меня немного мутило. Пообедали в каком-то ресторане, и я уже надеялась на то, что меня отпустят домой спать, но Ева пригласила стилиста именно ко мне домой, и нас приводили в порядок, чтобы понять, что необходимо будет на самой свадьбе. Еве хотелось нежного макияжа, самого натурального из всех имеющихся в арсенале милой девушки нашего возраста, которой предстояло накрасить и привести в порядок волосы трех абсолютно разных, но одинаково громких и шумных девушек. Я думала, что будет скучно, но шампанское сделало свое дело. Спустя три бутылки, три макияжа и три прически мы попрощались с нашим стилистом. Всматриваясь в зеркало, я видела отдаленно черты той самой девушки, что когда-то жила во мне, но почему-то исчезла. Или скорее из-за кого-то. У меня был яркий макияж глаз, серые смоки делали мой взгляд более выразительным, розовый блеск для губ делал их более пухлыми и придавал какой-то оттенок, говорящий о соблазнении и желании. Волосы остались распущенными, лишь несколько прядей заплели сзади, оставляя волосы естественно кудрявыми. Я все продолжала смотреть в зеркало и думать, правда ли я такая и была ли такой действительно когда-нибудь. Или все это мираж, и я настоящая – это кто-то другой. Я так стараюсь быть хорошей, правильной женой, что забыла, какой была раньше, хотя и так я притворялась по большей части. Хорошая дочь, лучший сотрудник. Это всего лишь роли. Настоящая я была лишь с одним человеком, и именно поэтому я так на него реагирую. Рядом с Бойлом я умею дышать так, как никогда раньше, он дарит мне уверенность в том, что я настоящая и живая.

Девчонки смеялись наверху, собираясь в клуб, до меня доносились их визги при выборе одежды. Еще минута, и я присоединюсь к ним. Только осознаю эту правду. Рядом с ним я всегда жила и дышала.

– Ты ведь знаешь, что выглядишь немного как шлюха, – неуверенно рядом прозвучал голос Евы. Я же думаю, что ей было неприятно произносить это вслух, но знаю, что не сказать она не могла.

Мы ехали в такси в центр города, чтобы наконец расслабиться и немного потанцевать.

Я рассмеялась и кивнула подруге, и она, удовлетворенная моим ответом, отвернулась к окну, погружаясь вновь в свои мысли. Мой макияж и прическа натолкнули меня на мысль, что сегодня стоит быть кем-то другим. Не хорошей женой или подругой, а той, кем я могла бы быть в другой жизни, при других обстоятельствах. Мои подруги оделись более скромно, но меня это не смущало. Я была достаточно пьяна, чтобы рискнуть, Анна у нас не пьет из-за беременности, и те три бутылки шампанского на двоих с Евой были тем, что пропи-сал бы мне доктор. Правда, большую часть выпила я одна, ведь Ева теперь хорошая девочка, Адам бы не одобрил плохого поведения своей невесты. Поэтому сейчас они обе и нервничали, смотря на меня. Их привычные черные джинсы и чуть более откровенные, чем днем, блузки совсем не говорили о том, что мы идем развлекаться. Я же хотела насладиться вечером сво-боды. Поэтому моё короткое серое платье едва доходило до середины бедра. Да это, наверное, и не платье вовсе, а скорее ночная рубашка, многие в таких спят. Легкий шелк и тонкие лямки, по самой кромке кружево. Под ним лишь такое же кружевное бельё черного цвета, которое совсем не сложно увидеть, если я двигаюсь. Я накинула теплое пальто, которое в клубе обя-зательно займет свое место в гардеробе. Я собираюсь веселиться всю ночь, именно поэтому и надела обувь без каблука. Танцевать – это единственное моё желание сегодня вечером.

Когда мы попали в клуб, он уже был заполнен людьми. Потные тела кружились в тан-цах и разжигали страсть друг в друге. Громкая музыка оглушала, и это значило, что мы сюда пришли не для того, чтобы разговаривать. Заняв местечко у бара, я заказала два шота текилы и воды для Анны. Впрочем, для нее это было нормально и до беременности, моя подруга не большой любитель алкоголя, ей нравится веселиться и без него. Мы с Евой проглотили напитки, которые разлились теплом по телу, и, повторив еще раз, двинулись втроем в самый центр танцпола.

Голова кружилась от ощущений, я двигалась в ритм сменяющейся музыке, прикрыв глаза и отдаваясь полностью танцу. Я поглядывала на улыбающихся Еву и Анну и была рада, что даже спустя годы нам весело всем вместе и мы умеем дружить и поддерживать друг друга несмотря ни на что.

– Анна устала, мы пойдем сядем, – голос Евы вернул меня в реальность, и я кивнула, но не пошла за ними, оставаясь в центре и вновь отдаваясь танцу. Мои бедра и руки жили своей жизнью, волосы разметались и липли к вспотевшему лицу, но мне было плевать. Я давно так не наслаждалась свободой. Во мне говорил алкоголь, и это было чертовски потрясающее ощущение.

Холодок пробежал по спине, и я резко открыла глаза. Что-то не так. Я огляделась. Вокруг танцуют девушки и парни, но я почему-то почувствовала что-то странное и перестала слышать музыку. Он здесь, я чувствую это на каком-то молекулярном уровне. Я вновь огляделась. Нет, этого не может быть. Мы живем в огромном городе, здесь тысячи клубов и баров. Сегодня субботний вечер, и я танцую в самом центре площадки, меня сложно увидеть. Нет, это лишь холодный ветер. Я вновь прикрыла глаза и попыталась расслабиться, но это странное чувство не покидало меня.

Неожиданно чья-то рука коснулась моего обнаженного бедра чуть выше колена. Впро-чем, я знала, чья это рука. Мне не нужно было оборачиваться и смотреть в черные глаза муж-чины. Я знала его прикосновения, а мое тело так реагировало только на него. Мои закрытые глаза видели сквозь черноту.

– Ты такая сексуальная сегодня, малышка, – его губы коснулись моего уха, и по спине пробежала дрожь. Он приблизился ко мне, продолжая двигать бедрами, подчиняясь такту танца и вовлекая меня в этот безумный водоворот. Я откинула голову ему на плечо, и руки сомкнулись на его шее, моя спина была прижата к мужчине, который знает, где меня найти даже в огромном городе. Я двигала бедрами, полностью повторяя его движения. Музыка заставляла двигаться все быстрее, но я и не смогла бы уже остановиться рядом с ним. Во мне

говорил не только алкоголь, я была пьяна этими ощущениями, своими чувствами и тем, как Фабиан касается кожи за моим ухом, как эти легкие прикосновения отдаются во всем моем теле приятной волной возбуждения.

– Я хочу тебя, – вновь услышался его шепот возле моего уха, и он прижал меня к себе сильнее, доказывая свои слова. Я улыбнулась, но не могла позволить себе повернуться к нему лицом и посмотреть в глаза. Я знаю, что он чувствует, впрочем, как я очень хорошо понимаю и свои ощущения. Но это совсем неправильно. Это я знаю точно. Он сильно сжал мое бедро, задирая непозволительно высоко платье и ускоряя темп нашего странного танца желания, даже вожделения. Если бы я могла, то разорвала бы его на части. Его губы прошлись по шее, а пальцы очертили ключицы. По телу пробежала дрожь, и я резко развернулась к мужчине позади меня. Я открыла глаза и всмотрелась в его черноту. Они всегда такого цвета вне зависимости от эмоций. Зол он или, напротив, мягок, жаждет кого-то или увлечен чем-то, у него черные глаза. Впрочем, как и душа.

– Только потому, что не можешь получить, – прошептала я ему на ухо, хотя скорее кричала, чтобы перебить музыку, встав на мысочки и задевая губами мочку его уха. Я знаю, что говорю, потому что со мной происходило то же самое всего год назад. Я так его хотела, потому что не могла получить. Но теперь в нашей жизни совсем другие правила. Впрочем, их тоже можно нарушать.

Я чуть отдалилась от мужчины, всматриваясь в лицо, чтобы понять, долетели ли до него мои слова или нет. И только заметив луч понимания, набросилась на его губы в самом жадном поцелуе, который могла от себя ожидать. Он, кажется, не понял, что происходит, потому что не отреагировал, лишь секунды спустя пришло осознание происходящего, и мужчина сгреб меня в охапку, прижимая к себе и терзая мои губы самым ненасытным поцелуем. Его губы, зубы и язык творили в моем рту акт жертвоприношения. Он делал меня такой живой, что я терялась в этом ощущении.

Но нарушив правила один раз, стоит возвращаться в реальность. Я оторвалась от Фабиана и, резко развернувшись, протолкнулась сквозь толпу, убегая от него и своих чувств.

Мне требуется воздух или хотя бы тишина. Слава всем святым, туалет был свободен. Не знаю, где подруги, впрочем, они сейчас мне ничем не помогут. Черт, что я вообще творю?

Я всмотрелась в лицо девушки в зеркале. Это не я. Я так не поступаю и никогда не поступлю. Я замужем. Я поправила потекшую тушь под глазами и распустила уже выбившиеся пряди из прически. Я действительно выглядела как шлюха, уже совсем не немножко.

Тушь под глазами, несмотря на то что я её вытерла, достаточно видимые оставила следы, блеск больше не был на губах, он был везде, кроме губ. Потное лицо и волосы, прилипшие к нему. Мой наряд действительно был слишком откровенным, и только сейчас я это поняла. Я провоцирую саму жизнь против себя. Хорошие жены говорят с мужем по скайпу вместо того, чтобы целоваться в клубе с каким-то мужиком. Да, сейчас он именно такой, никто в моей жизни. Я не должна примешивать старые ощущения от него в мою новую реальность. Я плеснула холодной воды в лицо. Хуже уже не станет, но, может, наконец я приду в себя? Я собиралась найти подруг и отправиться домой.

Распахнула дверь и даже не успела понять, что происходит, как оказалась зажатой чьим-то телом в крошечном помещении в темноте. Сюда даже звук музыки почти не долетал. Вокруг меня лишь громкое, тяжелое дыхание, которое не внушало ничего хорошего в будущем.

– Думаешь, можешь вот так просто уйти? – его губы коснулись моего уха, и по телу вновь пробежала волна возбуждения.

– Не делай этого, прошу, – взмолилась я, но понимала, что это абсолютно бессмысленно. Я не смогу остановиться.

– Никогда, – он был совсем близко, и едва слова сорвались с его уст, как губы набросились на мои, повторяя то, что происходило несколькими минутами ранее на танцполе. Он

терзал меня, подчиняя своей воле. Его пальцы впились в ягодицы, вжимая в себя с силой. Он прикусил мою губу, и я почувствовала металлический вкус крови во рту. Он жесток, черт, мне это даже нравится. Его пальцы сильнее сжали ягодицы, так что я вновь почувствовала боль, но сама лишь плотнее вжалась в него. Я отстранилась, надеясь посмотреть на мужчину, из-за которого нарушаю все запреты, но не могла увидеть ничего. Может, темнота решила предать меня и больше не подарит покой и спасение?

– Ты себя очень плохо ведешь, – мой шепот нарушил тишину, и я услышала, как Фабиан усмехнулся. Это относится к нам обоим. Моя рука сжала его член сквозь штаны, и я услышала, как он громко выпустил воздух.

Я медленно расстегнула его ширинку и, спуская брюки по ногам, опустилась на колени перед мужчиной, отдавая себе отчет в том, что я делаю лишь то, что хочу сама. Это же почти не измена. Он меня ведь не трогает. Ну, почти не трогает. Я не видела перед собой ничего, и это было в сто раз острее, чем я могла себе представить. Я чувствовала вкус Фабиана на своих губах и языке, чувствовала его силу. Его пальцы впились в мои волосы, накрутив их и задавая темп движения моего рта по всей его длине. Это самое безумное, что я делала в жизни, и самое неправильно-прекрасное. Он громко ругался, оставляя в воздухе свои слова, которые мне нравились и от которых я заводилась лишь сильнее.

– Черт, что ты делаешь со мной? – громко выругался Фабиан и двинул бедрами с силой, оставляя свой вкус у меня во рту. Я отстранилась и поднялась с коленей, вновь оказываясь на одном уровне с его грудью, касаясь губами шершавого подбородка Фабиана.

– Дай мне прикоснуться к тебе, – взмолился он и сжал мою грудь сквозь платье, отчего из моего рта вырвался стон.

– Нет, – единственное, что я сказала, выскальзывая из комнатки и закрывая за собой дверь. Он остался там, а мне нужно срочно ретироваться, пока я не сделала еще что-то, куда более неправильное и глупое. Я даже не могу списывать все на алкоголь, ведь я уже не пьяна. Это все он. Нет, черт, это все я. Я хотела этого, желала этого уже слишком давно. Я ужасная жена, ужасный человек. Тогда почему на моем лице эта странная улыбка и почему я чувствую себя такой живой?

– Я устала, поехали домой, – рухнула я на диван рядом с подругами.

– Ты где была, мы тебя потеряли, звонили уже раз сто, – недовольно проговорила Ева, вставая с дивана и помогая встать Анне.

– Не слышала, мы же в клубе, танцевала, – слишком быстро выговорила я, двигаясь за подругами к выходу.

– Ну да, – лишь услышала я от Евы.

Я никогда им не врала, ну или старалась делать это пореже. Но сейчас я вру не только им, теперь я предала мужа, себя, свои правила и идеалы. Я отвратительная, лицемерная, жалкая лгунья и изменница.

Мой телефон пискнул, в то время как мы подъезжали к моему дому в такси. Я знала, от кого это, и поэтому попыталась не радоваться входящему сообщению.

– Кто тебе пишет так поздно? – на меня обернулась Ева, и в её глазах блеснуло что-то недоброе.

– Дэвид, скучает, – на автомате выпалила я вторую ложь за этот вечер и замерла в надежде почувствовать укол совести. Но нет. Внутри все молчало. Лишь бабочки в животе затрепыхались своими крыльшками.

Фабиан: Теперь оказаться внутри тебя – моя цель номер один. Игра началась, малышка.

Я слотнула. Это уже больше похоже на угрозу. И я в предвкушении от этой игры.

Глава 6

Я обещаю, что больше никогда не притронусь к алкоголю. Боже, как безумно болит голова! Я не могу пошевелить ни пальцами ног, ни рук, я молчу про то, что даже не пытаюсь открыть глаза, которые слиплись, будто склеились клеем «Моментом». Я лишь чувствую, как солнце проникает через окна и освещает лицо, становится даже тепло несмотря на то, что солнце зимнее. Но как же больно даже морщиться от яркости света! Я пытаюсь подвинуться на кровати, но понимаю, что даже такое малое движение отзывается лишь еще большей болью во всем теле. Из моего рта вырываются стоны, и я замираю. Вот. Так мне совсем не больно. Только дышать и не двигаться, это будет самое лучшее сейчас.

Интересно, сколько времени?

Так, надо вспомнить, что вчера происходило. В моей голове полный кавардак, и я боюсь напрягать извилины, вдруг это тоже отзовется болью. Нет, вроде все хорошо. Итак, что было вчера.

Три бутылки шампанского, которые я уговорила почти в одиночестве. Затем еще несколько шотов в баре, кажется, не так уж и много. А потом? Боже, потом я сделала то, о чем стоит жалеть. Я помню губы Фабиана, помню его запах и его вкус. Черт, эти воспоминания причиняют боль, надо избавиться от этого срочно.

Я рискую открыть один глаз и обвести комнату взглядом – это максимум, что я сейчас могу сделать. Так, я дома, в своей кровати и, кажется, одна. Это не может меня не радовать сейчас. Я предпринимаю попытку открыть еще один глаз и смотрю на белый потолок, стараясь привыкнуть к новой порции боли. Я точно больше никогда не буду пить.

Я лежу поперек кровати, поджимая под себя одеяло и пустив слюни на подушку Дэвида. Ну хотя бы ночью я думала о собственном муже. Надеюсь, я скучаю по нему и поэтому так прижимаю его подушку к себе. Мне нравится такое объяснение, я оставляю его в своей голове.

Снизу слышится звон посуды, и я вскакиваю с кровати так резко, это движение сказывается болью во всем теле, и я стону от неприятных ощущений, вновь падая на кровать. Нет, это было совсем не правильно. Я прислушиваюсь к звукам снизу. Дэвид не мог вернуться, мне через неделю лететь к нему в Нью-Йорк. Больше ни у кого нет ключей от нашего дома, хотя я и подумывала отдать их подругам или хотя бы отцу. Тогда это, наверное, воров. Воскресные ранние утренние воров, которые собираются украсть у меня посуду с кухни. Я рассмеялась собственным глупым мыслям, что вновь причинило мне лишь боль.

– Что, пьянчужка, проснулась? – в комнату с криком ворвались подруги и рухнули на кровать по обе стороны от меня, заставляя меня нечленораздельно выругаться и прикрыться подушкой, отгораживаясь от них.

– Открой личико, – рассмеялась у самого уха Ева и отбросила подушку с кровати.

– Давненько не видела тебя в таком состоянии, Али, – протянула мне стакан с какой-то зеленой жидкостью Анна. Её лицо говорило громче слов. Я выглядела паршиво, наверное, примерно так, как и чувствовала себя сейчас.

– Почему вы у меня дома? – смогла я связать слова после выпитого зеленого зелья Анны. Это, видимо, какой-то волшебный нектар, потому что хотя бы боль из головы куда-то начала исчезать и теперь малейшее движение не отзывалось пульсирующей болью в висках. Я благодарно передала подруге стакан и села в изголовье кровати, поправляя одеяло и подушки.

– Остались у тебя, не бросать же пьянчужку в таком состоянии одну, – вновь рассмеялась Ева, всматриваясь в мое лицо, – выглядишь как зомби.

– Спасибо, – пробубнила я себе под нос и предприняла попытку встать с постели и пойти в ванную, чтобы посмотреть на себя, но подруги удержали на месте, протягивая новую порцию зеленого зелья Анны.

– Веселый выдался вечерок, было что-то интересное? – вперила в меня взгляд Ева.

Я чувствовала, что ей что-то известно или она видела, что происходило на танцполе. Но решение пришло моментально в мою голову. Отрицать все без остановки. Ничего не было. Никогда не будет, и вообще это был лишь плод моего воображения и больной фантазии.

– Ты же была там, ничего интересного, – промычала я в стакан, который моментально опустел и был отставлен к первой порции снадобья для алкоголиков.

– Ну, мало ли, мы что-то пропустили.

– Танцы и слишком много алкоголя, как в старые добрые времена, – снова я обрела голос, но теперь он выдавал меня с потрохами. Когда я вру подругам, он становится неестественно высоким, будто мне защемили что-то очень важное. Но я уже не могу развернуться назад, теперь только вперед, в полную отрицаловку произошедшего.

– Ну как знаешь, – отвернулась сестра и соскочила с кровати.

– Ева, ну что ты в самом деле, не видишь, ей плохо? – как всегда, заботливая Анна была на моей стороне.

– А я что, я вообще ничего, – примирительно подняла руки вверх сестра и отошла к комоду с моим нижним бельем.

– Давайте позавтракаем, и мы уже поедем?

Я кивнула на вопрос подруги и последней встала с кровати. Ева кинула в меня пару чистых трусов и лифчик.

– Оденься только, – хмыкнула она и вслед за Анной вышла из комнаты, оставляя меня одну.

Только сейчас я поняла, что стою абсолютно голая. Когда я только успела вчера раздеться? Быстро надела любезно брошенные в меня Евой вещи, накинула поверх длинную шелковую рубашку, в которой обычно хожу по дому в выходные. Этот день не должен был стать исключением. Учитывая события вчерашней ночи, я прописываю себе постельный режим без звука.

Войдя на кухню, увидела уже ждущих меня подруг, стол был накрыт на троих для завтрака, о котором только можно мечтать. Поджаренные тосты, булочки из пекарни, мои любимые с лимоном, хлопья и, конечно же, свежесваренный кофе.

– Оставайтесь со мной жить, – радостно присвистнула я, присаживаясь на высокий стул и делая первый, самый божественный, глоток кофе.

– И не мечтай, – пробубнила недовольная Ева и принялась поедать свой тост, стараясь не смотреть на меня.

– Девочки, не ссорьтесь, – строго проговорила Анна, как и всегда вставая между нами неким барьером. Я знаю, что она любит нас одинаково, поэтому ей так сложно быть нейтральной стороной, просто другого варианта у Анны, к сожалению, нет.

Мы завершили завтрак в почти гнетущем молчании, и если бы моя головная боль не возвращалась бы, я, наверное, больше уделила внимания недовольству Евы и тому, что не могу сейчас сказать правду о вчерашней ночи. Хотя, думаю, я в принципе не смогу сказать эту правду.

– Позвони вечером и пей побольше жидкости, а лучше поспи еще, – заботливая Анна стояла на пороге и обнимала меня, будто мы прощались на сто лет. Ева уже нетерпеливо сидела в такси и смотрела на нас будто на больных. От нее я удостоилась лишь «покеда». С этим мы разберемся после того, как мне станет лучше.

– Спасибо, мамасита, – пошутила я, еще раз целуя Анну в щеку и продолжая махать, даже когда такси скрылось за деревьями.

Я не успела сделать и пару шагов по лестнице в свою спальню, как резкий стук в дверь остановил меня и заставил вернуться и распахнуть дверь снова.

– Что-то забыли? – проговорила я, думая, что это подруги вернулись, забыв что-то у меня дома.

Но это были совсем не они. Дверь хлопнула, и только в этот момент я поняла, что стою, спиной вжавшись в перила, и смотрю на самого нежеланного гостя в этом доме и не могу дышать.

– Я вчера кое-что забыл, – прорычал он возле меня так, что я действительно испугалась этого голоса.

Его жадный взгляд прошелся по мне так, что по спине пробежала дрожь. Только сейчас я вспомнила, что хожу по дому лишь в легкой розовой шелковой рубашке мужского покроя и трусиках, которые, слава богу, не видны из-под слишком короткой рубашки. Я поморщилась от его жадного взгляда и выпрямилась, надеясь создать хоть малую иллюзию уверенности.

– Сомневаюсь, что ради этого стоило приходиться ко мне домой, – хмыкнула я в лицо Бойлу, стараясь держать себя в руках и не показывать, насколько я в ужасе от того, что он сейчас здесь, передо мной, в доме, где я живу с мужем, к которому испытываю весьма теплые чувства, кстати.

– Ради этого я бы и тысячу миль прошел пешком, не то что проехать пару на машине и подождать, когда твои подруги наконец провалят, – со злой улыбкой проговорил мужчина, не отводя взгляда от моей шеи, так что я с трудом сглотнула.

Я была такой маленькой рядом с ним и чувствовала всю незащищенность и шаткость моего положения. В принципе, он может делать со мной все что угодно, и никто по большому счету даже не услышит мои крики. На тот случай, если бы я все-таки стала кричать, хотя очень в этом сомневаюсь.

Во взгляде Бойла было нечто такое, что заставляло меня храбриться и прикидываться уверенной в себе, той, из-за которой он мог бы приехать и нарушить все правила и запреты.

– Может, отойдешь? Ты нарушаешь моё личное пространство, а еще лучше просто уйди. Ты зря пришел. Я вчера все сказала, ты не получишь того, что хочешь, – не знаю, откуда во мне взялись силы, чтобы сказать ему это. Глаза в глаза, и я теряюсь в омуте черноты, это мой личный ад, в котором я сгораю и готова пройти все круги, лишь бы ощутить вкус его губ на своих.

– Ты не только сказала, малыш, – он приблизился непозволительно близко, впечатывая меня в перила так, что становится больно. Но я продолжаю делать вид, что я храбрая, и пытаюсь даже не морщиться от неприятных ощущений. Я смотрю ему прямо в глаза и умоляю всю внутреннюю силу держать себя в руках, – но и весьма красноречиво показала, – его пальцы прошлись по моей щеке, и я все же поморщилась. Это не были нежные прикосновения, от которых таешь и робеешь, его пальцы были жесткие и шершавые, он будто проверял, насколько я могу быть податливой и покладистой, хотя, возможно, лишь проверял, как быстро я начну брыкаться. Но я не сделала ни того, ни другого. Просто продолжала смотреть на него и умоляла себя не чувствовать ничего к этому ужасному человеку.

Но черт, как же это было сложно!

Не знаю, что это было, но внутри какая-то часть меня кричала и билась в истерике маленького ребенка, наевшегося сладкого, внутренний ребенок был счастлив получить желаемое. Он хотел вдоволь наиграться, получить от заветной игрушки максимум удовольствия. Но если бы дело было только в приобретении удовольствия от желаемого, я бы не стала и думать, просто выгнала бы Фабиана из своего дома и своей жизни раз и навсегда. Нет, рядом с ребенком внутри меня жила еще и надежда, девушка, которая продолжала любить и верить, которой нужен был лишь пинок, чтобы проснуться и её чувства снова бы прорвались наружу. Вот она, ужасная правда. Как бы я ни старалась, что бы я ни говорила. Два самых ужасных создания внутри меня были счастливы тому, что Фабиан сейчас здесь, и его прикосновения не доставляли мне неудобства, я наслаждалась, и мне нравилось, что ему хочется меня не меньше, чем мне его.

– Я была пьяна, и ты не можешь думать, что это серьезно, – я решила сохранить хотя бы малую часть самоуважения и попыталась убрать руку Бойла от своего лица. Но она тут же переместилась на открытый участок кожи на моем бедре, и я вновь задрожала.

– Какая же ты лгунья, Алиса, – он усмехнулся, и я почувствовала его дыхание возле себя, едва ощутимые прикосновения губ к моей коже, и я вздрогнула от водопада странных чувств.

– Что ты делаешь, – прошептала я одними губами и закрыла глаза, потому что смотреть в его я больше не могла найти в себе сил. Я больна, мне нужно лекарство от Фабиана Бойла, а может, самое время признаться в том, что пора пообщаться со специалистом, который лечит разбитое сердце.

Я ведь должна его ненавидеть, должна презирать все, что с ним связано. Он разбил мое сердце, он причинил мне страдания, и именно из-за него я несчастна. Была. Я должна помнить, что я замужем и у меня есть муж, который старается делать меня счастливой каждый день.

Но это лучше любого алкоголя, наркотика или даже самой вкусной в мире шоколадки.

Его нежные, едва ощутимые поцелуи прокладывали дорожку по шее и ключицам, он задевал чувствительную кожу своей отросшей щетиной и царапал её, оставляя едва заметные следы, но я буду их видеть, я буду знать.

Его пальцы сильно впились в бедро и заставили сомкнуть ногу у него на поясе, в то время как настойчивые губы Бойла опускались ниже и прикусили кожу на груди через тонкую шелковую ткань, так что я громко выпустила воздух из легких и простонала. Фабиан усмехнулся и прижал меня к своему паху, явно давая понять, чем он намерен закончить этот день.

Нет, нет, это все совсем неправильно. Еще минутка, и я оставлю все это. Я обещаю, что обязательно остановлю, еще поцелуй, и точно конец.

Я укусила его за мочку, принуждая Фабиана посмотреть на меня. Его глаза заставляли меня забыть обо всем и желать только его одного.

Но это все совсем неправильно. Я собрала все силы, что у меня были, и выставила руки вперед, стараясь оттолкнуть мужчину.

– Ты не получишь то, что хочешь, лучше уходи, пока не совершил ошибку. Иди расслабься с женой, – закончила свою злобную речь я и поправила короткую рубашку, стараясь прикрыть что-то невидимое, может, свою честь и достоинство? А они вообще у меня остались?

– Ей тоже хватит, – усмехнулся мужчина и попытался приблизиться ко мне, но я смогла пригнуться под его руками и выползти из-под него и уберечься от его внимания. Я проскользнула на кухню, где надеялась оказаться в безопасности от этого чудовища.

– Ты отвратителен! – прокричала я, надеясь задеть его этими словами и заставить уйти из дома и заодно из моей жизни.

Его слова – это сплошная грязь, он весь прогнил, и я абсолютно точно не хочу оказаться вместе с ним во всем этом. Раньше я хотела опуститься в ад ради него, но то, что сейчас этот мужчина делает и говорит, не идет ни в какое сравнение с тем, каким он был раньше рядом со мной. Интересно, это его изменила так супружеская жизнь или он всегда был таким?

– Почему? – он показался на кухне, разочаровывая меня окончательно. – Потому что говорю правду? Или хочешь сказать, что это лицемерие – спать и со своим законным супругом, и человеком, которого любишь? – Фабиан сложил руки на груди и замер в дверном проеме, наблюдая за тем, как я мечусь по кухне в поисках хоть чего-то, чтобы занять руки, а вместе с тем и свою голову.

– Лицемерие – разделять эти два понятия и, соответственно, людей.

Я знала, что не права. Но это были правильные слова, и только так я должна думать. Хорошие жены именно так и делают, а я хочу быть хорошей женой.

Фабиан громко рассмеялся и, схватив меня за руку, притянул к себе. Он не был груб, как несколько минут назад, не был и нежен, как однажды. Скорее мечтательным и задумчивым. В его глазах не было былого пламени, это меня и пугало больше всего. Он аккуратно заправил

прядь моих волос и прошелся пальцем по нижней губе. Взглянул в глаза, будто в самую душу, и крепко прижал к себе, так что я не успела выскользнуть и понять, что вообще происходит.

– Неправильно разделять этих людей, неправильно жить такой жизнью, как у нас. Но что мы уже можем сделать? Отдаться чувствам и насладиться хотя бы малой частью той любви, что есть, – он шептал мне в волосы, так что слова едва доходили до моих ушей и, надеюсь, не попадали в самое сердце.

– Ты не любишь меня, – я попыталась вырваться из его рук, но попытка была тщетной, и мужчина лишь крепче сжал меня, вдыхая запах волос. Я не могла расслабиться, но любовь к нему, натянутая будто струна на новой гитаре, меня сковала. Руки повисли безжизненными прутиками, голова произвольно упала на его плечо, и я выпустила весь воздух из своих легких.

– Конечно люблю, малышка. Как это еще назвать, если не любовью?

– Наваждение, желание, похоть – что угодно, но не любовь, – похныкала я, задирая голову и пытаясь посмотреть на мужчину. Но его глаза были закрыты, и он дышал так размеренно, будто лежал на диване с любимой подушкой в руках.

– Ты все вместе, Алиса, и даже больше, – лишь сказал он и прижал к себе сильнее, так что мне перестал поступать кислород в легкие.

Я не дышала и не думала. Это бывает так редко со мной. Лишь эмоции, обостренные чувства. Я могу только сконцентрироваться на ощущениях. И мне хорошо, мне до ужаса хорошо вот так стоять в его сильных руках и не думать ни о чем. Нет прошлого и нет будущего, есть лишь этот момент и наше «долго и счастливо» на эту минуту. Мы не можем быть вместе, и никогда это не случится, скорее развернется земля и мы действительно окажемся в аду, чем мы сможем пожить нашей жизнью, одной на двоих. Но я не могу не мечтать об этом, я не могу не ждать и не могу не надеяться. Это ужасно, до тошноты отвратительно – чувствовать себя так при живом муже. Но то, что у меня к этому несносному мужчине, невозможно описать словами или передать какими-то другими способами. Это молекулярный, атомный уровень. Это в крови, в частицах кожи, он очень глубоко во мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.